

Санкт-Петербург

Интеллигент

Международная литературно-публицистическая газета. №2 (2) Весна 2012 г. <http://provintelligent.ru>, spb-intelligent.web.officelive.com
Газета выходит один раз в месяц. Контакты для участия и сотрудничества, E-mail: spb.intelligent@gmail.com, provint.pashkov@yandex.ru

Владимир Алейников

Поэт, прозаик, переводчик, художник. Родился 28 января 1946 года в Перми. Вырос на Украине, в Кривом Роге. Окончил искусствоведческое отделение исторического факультета МГУ. Работал в археологических экспедициях, в школе, в газете. Основатель и лидер легендарного литературного содружества СМОГ. Начиная с 1965 года, стихи публиковались на Западе. При советской власти на родине не издавался. Более четверти века тексты его широко распространялись в самиздате.

Автор многих книг стихов и прозы. Лауреат премии Андрея Белого, премии журнала «Молодая гвардия», газеты «Литературные известия», Международной Отметины имени Давида Бурлюка. Член редколлегии журналов «Стрелец», «Крестник». Награждён двумя медалями и орденом. Живёт в Москве и Коктебеле.

Ландыш

Он так безумно одинок
В тени разросшихся пионов,
Что вряд ли хватит этих строк,
Чтоб осознать его упрёк
И не платить мечте оброк,
К досаде местных почтальонов.

И только эльфы иногда
Затронут белый колокольчик,
Чтоб оставалось навсегда
Томленье детского стыда
В садах, где плещется вода,
Где воздух был игольчат.

Его не видят воробы —
И не заметили синицы —
Летят пчелиные рои
По руслу солнечной струи —
И листья влажные свои
Он расправляет, словно птицы.

И сладок вкус его немой,
И запах столь необычен,
Когда торопишься домой,
Как бы застигнутый зимой,
До пят окутан полуутьём,
Где выбор слова не случаен.

Стансы

Как странно в одиночестве своём
Искать неумолимую дорогу,
Ведущую к надменному итогу,
Где судят нас, — ведь были мы вдвоём!

Нахлынувшего чувства не сдержать —
Сближение тогда неповторимо,
Когда в груди, как таинство, хранимо —
А рук уж ни за что нам не разжать.

Утешь меня хотя бы тем, что въявь
Жива ещё и странствуешь по свету,
Как птица, отыскавшая примету
Участия, — его-то ты и славь.

Оно уже настолько велико,
Что, мир души сияньем заполняя,
Подъемлется, сердца воспламеняя, —
А верность достаётся не легко.

Так в комнату внесённая свеча
Обитель эту светом озаряет —
И мучится, покуда не узнает,
Зачем она в ладони горяча.

Так пламя негасимого костра
Согреет леденеющие щёки —
За то, что были слишком одиноки
В извечном постижении добра.

И смотришь сквозь растущие цветы,
Застигнута метелью лепестковой,
Туда, где к первозданности рисковой
Воздушные протянутся мосты.

Миндаль

Посмотри: расцветает миндаль —
И гнездо забытья розовато,
Будто не к чему помнить печаль —
Ведь звездой, как всегда, виновата.

Расцветает миндаль за окном,
Как родник многоструйный, целебен,
Словно храм в расставанье земном,
Точно в нём отслужили молебен.

Словно звон услыхал за стеной
В колокольцах воздушной купели —
Сколько б ни было сердца со мной,
Только верность хранила доселе.

Нашепчи мне, раскинутый куст,
О тоске — о кольце с аметистом —
Чуть белёс, лиловат, златоуст
В лепетанье листов шелковистом.

Прошепчи хоть подобие слов,
Лишь зачин убаюканной песни, —
Чтобы не был непрощенным кров,
Из упрямства, как Феникс, воскресни.

Как пчела прилетает к цветку,
Я тянусь к тебе, Свет Воскресенья, —
До сих пор ты один на веку,
Без тебя я не мысли спасенья.

Так возвышен и столь приземлён
Всюо сутью завидной неволи,
Ты живёшь, словно сдержанной стон
Порывавшейся свидеться боли.

Ефим Бершин

Поэт, прозаик, публицист. Родился в Тирасполе в 1951 году.

Живёт в Москве. Автор пяти книг стихов, двух романов и документальной повести о войне в Приднестровье «Дикое поле».

Произведения Бершина печатались в «Литературной газете», журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Континент», «Стрелец», «Юность», антологии русской поэзии «Строфы века» и проч.; многие его стихи переведены на иностранные языки.

Ефим Бершин работал в «Литературной газете», вёл поэтическую страницу в газете «Советский цирк», где впервые были опубликованы многие неофициальные поэты.

***

Явилась осень.
С вымокших осин
уже опали крылья неохотно.
И солнце светит
из последних сил,
и, слава Богу, кончена охота.

И, слава Богу, тишина кругом,
когда ночами глухо ноет тело.
Что делать,
если я с одним крылом.
И ты с одним.
И стая улетела.

***
С похожею на небо обликом,
с отставшими от птичьей стаи,
с тобой целуешься —
как с облаком,
которое вот-вот растает.

Так белка, с огненным листом
сливаясь в дебрях лесопарка,
сверкнув пылающим хвостом,
вдруг станет фактом листопада.

***
Луну зарезали под утро,
в шестом часу, в канун Покрова.
Как перевернутая урна,
валялось небо у парома.

Вороны раздирали воздух
осколками ушедшей ночи,
горянно падая на воду
и рассыпаясь многоточьем...

Уже ничто не отделяло
от наступающего снега —
лишь край стола да одеяло,
да женщина на фоне неба.

Она под утро воскресенья
явила в снежном, ветхом платье —
последней милостью осенней,
последним знаком о расплате.

Остановились дни и числа.
Среди реки застыло судно.
Шёл первый снег,
шёл снег пречистый
на мир, исполненный абсурда,

на мир, где улица томилась,
меняя лики на личины,
где Божий гнев и Божья милость
уже почти неразличимы.

***
Пока во мгле, подобно чуду,
звезды над Сретенкой горят, -
допить вино,
разбить посуду,
все распродать иль подарить,

и, пальцы в голову вонзая,
прощаться,
плакать без стыда,
купить билеты у вокзала
и... не уехать никуда,

допить вино,
глядеть покорно,
просить прощенья в темноте,
захлопнуть дверь
и спать спокойно
с вязальной спицей в животе.

***
Стальные тучи нянчили стерню,
гудела печь, река гасила ветер...
Ты — мой билет в далёкую страну,
которой больше нет на белом свете.

Но есть река.
Но есть еще огонь
иных костров.
И — памяти осколки.
Давай войдем в отцепленный вагон
и тронемся, свисая с верхней полки.

И даже не спохватимся со сна
и не поймем, что память — вид недуга.
За окнами завоет тишина,
изображая грохот виадука.

Красная открытка

Наши постоянные читатели наверняка помнят восхитительно яркий образ «госты» августовского номера «Интеллигента. СПб», поэта восточной ветви русского зарубежья Ларисы Андерсон, любезно разрешившей тогда опубликовать подборку её стихов на страницах нашей газеты. 29 марта 2012 года Ларисы Николаевны не стало.

Долгие годы Лариса Андерсон жила в Восточной Азии. В этом регионе, на Тайване, есть такой обычай: если человек умирает до 80 лет, то сообщение о его смерти пишется на открытке белого цвета — цвета траура. Но если человек жил дальше 80 лет, то сообщение пишут на открытке красного цвета — цвета радости, приглашая знакомых и друзей ушедшего порадоваться той долгой и полной жизни, которая досталась в удел этому человеку.

Официальные биографии Ларисы Андерсон датируют её рождение 1914 годом. Однако люди, близко знавшие Ларису Николаевну, настаивают, что она родилась в 1911 году. Стало быть, за месяц до смерти этой восхитительной женщины исполнился 101 год. Наверное, она была старейшим поэтом русского зарубежья — и старейшим русским поэтом.

Сегодня мы хотим ещё раз вспомнить этого светлого человека и на красной открытке написать:

Не говори с тоской: их нет,

Но с благодарностью: были.

Мы публикуем одно из стихотворений августовской подборки Ларисы Андерсон и находимся, что вам захочется ещё раз открыть старый номер нашей газеты, перечитать воздушные строки Ларисы Николаевны и всмотреться в чёрно-белые фотографии из уже легендарной жизни русской общины Китая тех далёких лет.

***
Гладкой и ласковой кошкой
К сердцу любовь подползла:
— Я — помурлыкать немножко,
Я так мила и тепла! —
Сердце разнежилось. Сердце,
Букой засевшее в клеть,
Вдруг захотело согреться,
Вздумало вдруг потеплеть.
Но в закоулках неверья
Встала соровая мысль,
Гладкому, сладкому зверю
Яростно крикнула: — Брысь! —
И, помолчавши немножко,
Сердцу сказала добрей:
— Выбрось незваную кошку,
Выбрось её поскорей!

Андрей Грицман:

«Поэзия – это живой поток»

Беседа Натальи Крофус с главным редактором журнала «Интерпоэзия» поэтом Андреем Грицманом

– Андрей, в 2004 году Вы основали новый толстый журнал, «Интерпоэзия». Зачем? Чего, на Ваш взгляд, недоставало в уже существующем ассортименте журналов?

– Журнал «Интерпоэзия» я основал по нескольким причинам. Во-первых, почувствовал, что созрел. У меня, как и у вас, тоже редактора и издателя, есть такая «общественная сторона личности». Хочется создать свою линию, почти «школу», по своему вкусу. Я приехал в Нью-Йорк, осмотрелся, начал больше писать – и мне захотелось создать свой литературный процесс. Опыт западного процесса, наличие многих разнообразных поэтических журналов, практика американской поэзии тоже повлияли. В Штатах, да и в Великобритании, много литературных англоязычных журналов: они разные, разных направлений. Но тогда, не только в США, а вообще в русской словесности был всего лишь один профессиональный журнал поэзии – «Арион». Были разные поэтические альманахи и сборники, но это другое, временное и часто непрофессиональное. Потом появился «Воздух» Д. Кузьмина. Ещё позже стали появляться новые журналы в сети – и слава Богу. Но «Интерпоэзия» остаётся в Диаспоре единственным журналом, посвященным исключительно поэзии – достаточно посмотреть на издания, выставленные в Журнальном Зале. И вот теперь мы просто не успеваем публиковать всё хорошее, что присыпают, как известных мастеров, так и талантливых начинающих.

– Андрей, как Вы рассказывали, когда Вы начали писать стихи, «публикация в литературных журналах была так же недоступна, как жизнь на Марсе». И всё же Вы писали, даже без надежды на публикацию. Зачем?

– Это был способ выразить себя. Вообще, по-настоящему, пишут для себя. Позже, когда возникает возможность публиковаться и пишут с оглядкой на журналы, это начинает проявляться в стихах. Помните, «И чем случайней, тем вернее...» и «Когда б вы знали, из какого сора...»? Я уже говорил, что если бы мог не писать, не писал бы. Мне и так интересно жить. Но я не могу не писать. Когда «стих идёт» – это такое восхитительное чувство, да и потом получаешь огромное удовольствие, когда видишь, что получается, и начинаешь работать с текстом. Это радость.

– Теперь у Вас есть возможность и опубликовать свои стихи, и прочитать их

со сцены, по телевидению. Изменилась ли мотивация – «зачем я пишу»?

– По большому счёту, нет. Появился, конечно, некий профессиональный цинизм, в хорошем смысле. Когда получилось, начинаешь прикидывать – куда послать, где прощать, кому показать. Но пишу я по тем же причинам, что и тридцать-сорок лет назад.

– У Вас, помимо медицинского образования, есть ещё и диплом магистра по американской поэзии. Не идёт ли это вразрез с теми самыми словами Пастернака «и чём случайней, тем вернее»?

– Не идёт. Я часто использую вот такую метафору: снайпер неделями может лежать в кустах и следить за мишенью. И талант заключается в том, что эту мишень нужно вовремя заметить, выстрелить и точно попасть – то есть нужно поймать момент, когда всё сходится, и появляется хорошее стихотворение. Но снайперу всё равно нужно каждый день часами чистить винтовку.

По-моему, даже когда у поэта «писательский блок», всё равно нужно работать: переводить, дорабатывать какие-то старые стихи, а не просто сидеть и ждать. Могу привести интересный пример. Однажды я позвонил поэту Межирову (а это было уже в последние его годы), спрашивая: «Что Вы делаете, Александр Петрович?» Вы знаете, что он ответил? «Смотрю старые тетради, с сорокового года – а нет ли там где стихотворения...»

– Разрушилась старая иерархия в поэзии: похоже, больше нет «одного центра», который решает, кто поэт, а кто онью не является. Так кто же, по-вашему, это решает сегодня?

– Замшевые «толстые журналы» считают, что решают они. На самом деле, решает сама жизнь, интуиция, дарование и опыт. Это вопрос очень сложный. Я когда-то высказал соображение, что подход к этому вопросу, на самом деле, библейский. Откуда мы знаем, что хорошо, а что плохо? Угостила Ева яблоком с древа познания добра и зла – и вот мы почти интуитивно знаем: что хорошо и что плохо. Это философский вопрос. Есть гармония (в широком смысле) или нет. И поэзия, как раз, – вещь интуитивная. А ещё один подход, как ни странно, был обозначен много лет назад Верховным судом США по вопросу о том, что такое порнография. Ответ был такой: ты сам знаешь, когда её видишь...

– Андрей, Вы употребили слово «замшевые». Вы не могли бы пояснить?

– Могу. Понятно, что в толстых журналах печатаются много хороших людей, весь цвет русской словесности. Но сейчас я говорю о подходе к работе. В этих журналах, все-таки, ещё работает много людей, выросших в Советском Союзе; конечно, они изменились, они сейчас печатают другие вещи, но общий подход остался тот же. Подход к материалу, концепции публикации, да и сам modus operandi, с моей точки зрения, всё ещё во многом остались «советскими».

Возьмём, например, «Журнальный Зал». Фактически, это – портал «толстых журналов». То есть подразумевается, что русскую литературу творят печатные издания, выходящие раз в месяц; подразумевается, что они продаются во всех киосках «Союзпечати» и доставляются в миллионы почтовых ящиков регулярных подписчиков. И что интернетный вариант – всего лишь отражение этого процесса.

В идеале – так. Но в реальной жизни ничего подобного давно уже нет и в помине. С моей точки зрения, происходит абсолютно обратное: ежемесячный бумажный литературный журнал стал не нужен, зато появилась огромная интернетная культура. Поэтому мой журнал «Интерпоэзия» работает так – вначале появляется интернетное издание и вскоре после этого – печатный выпуск. Само собой понятно, что вариант онлайн видит намного большее количество людей и буквально сразу, через минуты после публикации выпуска на интернете. Именно так работают в Америке профессиональные поэтические журналы: они выходят раз в три месяца, раз в полгода, в сетевом варианте. Поэтому в англоязычном мире даже сама концепция «что является современной литературой» отличается от советской концепции.

Разумеется, есть люди, которые считают, что если произведение было издано только в сети, то это – графомания. Это и так, и не так. В интернете есть всё: и графоманы, и классика. Но ведь так же обстоит дело и с печатными изданиями: многие областные, региональные газеты-журналы тоже публикуют не лучшее. К тому же, сейчас нетрудно издать книгу или коллективный сборник «за свой счёт». Разница только в том, что опубликовать сборник на бумаге дороже, чем опубликовать те же вещи в интернете, вот и всё. Гарантией качества издание на бумаге не является.

Но вот ещё важная деталь: частотность издания. Иногда публикации в толстом журнале нужно ждать три года, а в интернете произведение доступно сразу же, это – живая, актуальная литература. Конечно, есть ряд имён, которые и в толстых журналах будут опубликованы сразу же, но тогда появляется «монополия в литературе».

– Вы затронули очень интересный вопрос. Бытует мнение, что в толстых журналах поэту без имени и связей опубликоваться невозможно. Так ли это?

– К сожалению, часто такое мнение оправданно. Но есть исключения: среди прочих, поэтический журнал «Арион». В этом журнале нередко публикуют стихи никому не известных поэтов, молодых мальчиков и девочек «из глубинки», без связей и публикаций – и тем самым «Арион» выдаёт этим поэтам «звёздный билет». Но нередко, чтобы попасть в толстый журнал, нужно пуд соли съесть, стать классиком. И, честно говоря, такое положение дел огорчает, потому что поэзия – это живой поток.

Но даже если вас уже знают и у вас много публикаций, то всё равно ваши новые работы в толстых журналах выходят, как правило, очень медленно. А профессиональному поэту хочется, чтобы его друзья и коллеги видели, чем он занимается, куда он продвинулся. В американских поэтических журналах этот процесс «обмена мнениями» идёт постоянно: здесь печатают по одному, максимум по три стихотворения, но печатают постоянно – и люди, интересующиеся поэзией, следят за этими изданиями, за определёнными авторами, за их развитием. В России модель другая: там печатают большие подборки по пять, по восемь стихов. И вот срavnите: в российских толстых журналах за пятнадцать лет у меня появилось где-то тридцать публикаций (и это немало для русского поэта!), а в американских изданиях всего за шесть-семь лет появилось более семидесяти публикаций. То есть, люди постоянно видят, что ты делаешь – и здесь идёт нормальный рабочий процесс, который отражает естественное течение поэзии.

Всё есть в стихах – и вкус, и слово,
И чувства верная основа,

И стиль, и смысл, и ход, и троп,
И мысль изложена не в лоб.

Всё есть в стихах – и то, и это,
Но только нет судьбы поэта,

Судьбы, которой обречён,
За что поэтом наречён.

Поэтому я работаю не только с толстыми журналами, но и с удовольствием отдаю свои стихи в сетевые издания, такие как «Пролог» в Москве или «Окна» в Ирландии. Там публикуют работы разного уровня, но зато стихи быстро выходят читателю и идёт живой литературный процесс.

– И каково, на Ваш взгляд, будущее толстых журналов?

– Несколько толстых журналов, «китов» советского времени, поддерживаются дотациями правительства, и это очень важно для их существования. И, я думаю, пока остались люди, для которых эти журналы – часть культурной традиции, старые толстые журналы будут здравствовать. Всё-таки, у редакторов и, что самое главное, у начальников, которые выдают дотации, большая часть жизни прошла во времена расцвета этих журналов. Традиция толстых журналов – это часть их жизни. И пока есть это поколение, толстые журналы останутся.

Но более молодым толстым журналам приходится трудно: нужно искать средства, некоторые из журналов, к сожалению, закрываются.

– Вы присутствовали на большом количестве фестивалей. Что они дают участникам, литературам?

– Общение – важная вещь, особенно для нас, живущих в диаспоре, далеко друг от друга: нужно побывать среди коллег, соратников, других авторов, даже таких, которые чужды тебе по вкусу. Начинаешь чувствовать, что есть некий орден, некое братство. Особенно в эпоху массовой поп-культуры, когда глаза разбегаются и простые смертные не понимают чудаков, разговаривающих на каком-то птичьем языке, обиняком.

– Появилась масса «союзов писателей». Как Вы думаете, зачем?

– А вот это, по-моему, просто феномен стада, желание создать свой «клуб», куда другим входа нет. Ещё ничего, когда такой «союз» строится по вкусовому, жанровому или географическому признаку. А ведь иногда люди создают свою альтернативную культуру, основанную на тусовке, взаимных услугах, похлощанию по плечу. Как бы имитация общественно-политической жизни. Кстати, то же относится к многочисленным премиям с громкими названиями, за которыми ничего, кроме скорлупы, нет.

– Вы часто употребляете фразу «профессиональный поэт». Учитывая, что поэзия сейчас почти никого не кормит, что именно Вы подразумеваете под этими словами?

– Чтобы называться «профессиональным поэтом», человек должен обладать рядом качеств. Необходимо, но совершенно недостаточное качество – это дарование. Второе – это «свой голос», не просто приличная версификация, а своё звучание. И третье – это когда для автора поэзия является жизнью, судьбой. Помните, у Самойлова, в стихотворении «Ренцизия»:

Андрей Грицман

Поэт, эссеист, главный редактор международного журнала поэзии "ИНТЕРПОЭЗИЯ". Родился в 1947 г. в Москве, окончил 1-й Медицинский ин-т. Автор нескольких книг стихов и прозы. Пишет по-русски и по-английски. С 1981 г. живёт в США, в Нью-Йорке, работает врачом.

Андрей Юрьевич – автор многочисленных публикаций в русскоязычной периодике, но эта подборка публикуется впервые. В неё вошли стихи Андрея Грицмана, написанные в 1976-1978 году.

Кладбище

В излучине у крепнущей Невы,
на развороте северного неба,
в наклоне петербургской головы
уснувшие сановники-столпы,
служители померкнувшего Феба,
учёные, лишившиеся хлеба,
и ссыльные, хлебнувшие хулы,
отпившие запретного вина.

Быть может, на граните имена
кому-то скажут через годы тленья:
"Сквозила связь, и за провалом дней,
лишенное эпических камней,
осталось где-то наше поколенье".

***

И он узнал, что смерть не пустота,
не одиночество, а негатив былого,
хранивший только общие места,
после того, как сказанное слово
покинуло холодные уста.

***

Косматый сумрак лёг в долину,
повисла красная луна,
погасла ясная страна
и спит уже наполовину.

Страннее очертанья гор,
туманнее холмов рельефы.
Как будто призрачные нефы
открыл невидимый собор.

Пролив пылающий раствор,
погасло дневное светило.
А больше света не хватило,
и сразу шире стал обзор.

Легла в долину тишина,
вернее, сразу как-то пала,
а ты вздохнула и сказала:
"Когда-то здесь была война".

Перебирая имена,
ты говоришь о том, что будет.
И кто же ближнего осудит,
когда на всех одна вина.

И только медленный прибой
расскажет плещущие были.
Ты скажешь: "Хорошо с тобой".
Ты вспомнишь: молоды мы были.

Сказка про Белоснежку
и семь гномов

Росла Белоснежка в покое и неге
и видела счастье в искрящемся снеге,
в замедленном беге лучей по стене
сквозь стекла в высоком
стрельчатом окне.

А чтобы она веселее жила,
в подарок ей гномов судьба привела.

Семь раз просыпался звенящий ручей,
семь раз колебался огонь у свечей,
семь минуто вёсен и столько же зим,
и гномы пропали, один за другим.

У первого – нервы. Остался второй.
Он дымом растаял осенней порой.
А третий пустился по свету бродить,
и мне говорили, что начал он пить.
Четвёртый не мёртвый,
четвёртый живой,

но где-то трясет он своей головой.
Сидит над страницей в шапочке чёрной,
трясёт головой и клюёт свои зёрна,
а Пятый – распятый. Остался шестой.
От сердца он пьёт маслянистый настой,
и твёрдо он знает, что будет седьмой,
но тоже по свету уйдёт он с сумой...

***

Паденье в сон – в себя паденье,
на дно своих зеркальных глаз.
Там предъявляет отраженье
лик перевёрнутый анфас,
условность слабых очертаний,
безволие ушедших дней,
безмолвие, что не длинней
пути несбыточных желаний,
в болотной зыбкости огней
волнистость силуэтов женщин,
имеющих одно лицо...

Кольцо всё уже,
красок меньше.
И ты уже перед концом
распят на скате полуаря,
и ледяна вначале грудь,
холодный луч во тьме нашарит
сомнамбулический свой путь.
Он безошибочно нацелит в висок –
серебряный клинок,
замедлится у самой цели.

Но просветляется восток.
Рассвет озеленит портьеры,
за окнами – снега, дома,
непробуждённая зима –
существования химера...

Акварель

B.P.

Мне так хотелось акварели,
её прозрачной глубины.
Она, как перелив свирели,
из светлого окна стены.

Я красок взял побольше, разных.
Я был и счастлив, и измазан!
Я наносил и наносил
голубовато, розовато.
И дождь красиво моросил,
и снег ложился комковато.
И между тучами, в оконце,
желтело розовое солнце.
Но лица, лица были странны, –
Так неестественны, туманны,
безглазы, губы их шептали
полуборванные фразы.
Они просили и просили,
почти беззвучно, глуховато,
а дождь красиво моросил,
и снег ложился синевато.

Я уголь взял. Я взял белил.
И взял я темперы и масла.
Я снег смешал, и дождь я слил,
и сонце желтое погасло!
Я уголь взял. Я штих нанёс,
добавил масла густоты –
кричали губы, несся крик
из массы спутанных волос
на срыве страшной пустоты.
Из темного окна стены
в упор глаза в меня смотрели
с укором боли и вины.
А мне хотелось акварели.

Лишь боковая ветвь,
Сегмент хвостатых эволюций
На циферблате лет – момент.
Прохожий у истока улиц,
Случайно завернув в тупик,
Присев на пыль, раскрыв суму,
Остаток хлеба преломив,
Вы обнаружите луну.
В осколке битого стекла
Она трепещет и течёт.
Стекло возьмите. Не расчёт,
А просто память о луне.
Среди заборов, лопухов,
Пустого дома сгнивший кров
И свет, мелькающий в окне.
Смеркается вполне, и сух
Скрип половиц. Усталый слух
Определяет в тишине
Гортанный разговор машин,
Дрожащий город у реки.
Вы уходите налегке,
Но, прихоти поверив странной,
Вы не забудьте захватить
Осколок битого стекла,
Где отражённая луна
Ещё трепещет и течёт.

***

За Вологдой, в тиши лесов,
Молочным озером под елью –
оазис северной деревни
с гостеприимством сонных псов.
И сонность, и остроконечность,
колонность сосен, лень берёз,
и будущий сухой мороз,
и беспощадный, и беспечный...

И белый белозёрский блеск
в окаменевшем отражанье.
И мир, и монастырь, и лес
в никонианском искаженье.
И в воздухе – сгущённый дух
На хвойных потемневших смолах,
как еле уловимый слух
о дымной горечи раскола...

И сети в рыбьей суете,
и солнце в пёстрой чешуе,
в холодной глубине пространства,
в лазоревом непостоянстве,
в дионисийской высоте.

И шёпот из последних сил
в глухой мохнатости приречной,
мерцающая бесконечность
необозначенных могил.

***

В метро проходит время года.
Театр теней, и мы артисты.
Свою рисуем мы природу,
рассеянные урбанисты.

Нававилонена в журналах,
природа треплет языками.
Она размечена на фото,
Мы трогаем её руками.
Но тихо упывает что-то
необъяснимое в каналах,
в сигналах связи с кораблями,
в пульсации неуловимой...
И чисел глас, и знаков имя
Дождём повисли над полями.

Над перевёрнутой страницей
погода хмуро и безмерно
играет облачной границей
двух областей несоразмерных!
Кровое зеркало смеётся
случайно гимасой мима.
Порядок, формула и мера
угаданы непостижимо,
предчувствием канатоходца,
законом ритма и размера!

Пустые миражи событий
издалека стоят как вехи.
А мы все празднуем успехи
несуществующих открытий.

На лепестках рисунков Хокусаи,
в твоём лице,
в изменчивости брызг
застанчивости линия косая.
И посмотреть – необозримый риск.
И дальний бриз летит от океана,
Застыв прикоснувшись на губах.
Из широко раскрытое окна
аллея холодна и голуба.
И солнца ещё нет,
но не видна луна.
Её в пруду поймала обезьяна.

***

Ещё темно. Проснувшаяся рань
в кровосмешенье ночи и рассвета.
Темно ещё совсем, но где-то
скрипит по снегу верное решенье,
рассвет снимает ледяную ткань,

И небосклон распахнутый глазаст,
Из редких труб торжественны куренья.
Сосновый лес пробил, тысячелетний,
искраящийся, обледенелый наст!

И всё в грядущем шаре из глубин
и в лесе сокнутом заключено и скжато,
сосульки запятыми чуть дрожат
на проводах. И ты совсем один.

Март

Вот-вот весна засмотрится с небес
на дальнее прогалин многоточье.
Становится теплее даже ночью,
и тихо оживает мокрый лес.

Но что-то там осенне тревожится.
Той дальней и печальной красотою.
И по ночам хрустит незримым льдом.
И на полях рассеянных
не можется весенним дням...
Но сине-золотое
уже созрело в серо-голубом.

***

Кто полюбил, тот был любим,
и праздновал своё рожденье.
Сквозь стёкла солнца восхожденье
из голубеющих глубин
переливалось и текло.

И ночью не хотелось лечь,
но выйти в сад полуодетый,
и слушать будущее лето,
от запахов теряя речь.

А город, солнечный вокзал,
в весенном полыхал пожаре,
а я, как на воздушном шаре,
на полных лёгких повисал.
На просеке сушили хворост,
и в оттепель растаял мост,
и паводок под берег бил.

Тогда во всём была весна,
и в пробуждении от сна,
и в обнажении могил.

***

И жаркое нутро земное
расплавит древнее зерно.
И на младенческом наречье
тот мир гортанно нарекут.
В долине влажной Междуречья
засвистят кнут!

И мир качнётся караваном,
и не спеша расшевелит
земли запёкшиеся раны,
железо, воду и гранит,
и лёд далёких пирамид,
и волчью жажду Тамерлана.
И снова к небу вознесёт
органные густые звуки,
И снова кто-то не спасёт,
крестообразно вспинув руки.

Александр Габриэль

Родился в Минске, по образованию инженер-теплоэнергетик. В 1997 году эмигрировал в США с женой и сыном. Живет под Бостоном (штат Массачусетс), занимается тестируением программного обеспечения. Стихи активно пишет с 2004 года. Дважды лауреат поэтического конкурса «Заблудившийся Трамвай» им. Н. Гумилева (2007 и 2009 гг.), обладатель «Золотого Пера Руси» в поэтической номинации 2008 года. Автор двух книг.

Похороны по-뉴-орлеански

...а воздух горяч и тесен,
как жаркий гриппозный бред.
В печальнейшей из процессий
намешаны тьма и свет.

Уйдите подальше, леди,
сжимая полоску губ,
от яростных всхлипов меди
из ярких, как солнце, труб.

Кривитесь, солдатик стойкий,
туземный обряд кляня...
Чернеют костюмы-тройки
на белом наброске дня.

В конце той дороги — яма,
крестов однотипных ряд...
Танцует Большая Мама.
Лишь слезы в глазах горят.

И вы не считайте пошлым,
греховным и напоказ
уменье прощаться с прошлым
под нью-орлеанский джаз.

Бостонский блюз

Вровень с землей —
заката клубничный мусс.
Восемь часов по местному.
Вход в метро.
Лето висит на городе ниткой бус...
Мелочь в потертой шляпе.

Плакат Монро.
Грустный хозяин шляпы играет блюз.

Мимо течет небрежный прохожий люд;
сполох чужого хохота. Инь и Ян...
Рядом. Мне надо — рядом.

На пять минут
стать эпицентром сотни луизиан.
Я не гурман, но мне не к лицу фастфуд.

Мама, мне тошно; мама,
мне путь открыт
только в края, где счастье сошло
на ноль...

Пальцы на грифе “Фендера”
есть артрит;
не потому ль гитары земная боль
полнит горячий воздух

на Summer Street?!

Ты Би Би Кинг сегодня. Ты Бадди Гай.
Черная кожа. Черное пламя глаз.
Как это все же страшно —
увидеть край...

Быстро темнеет в этот вечерний час.
На тебе денег, brother.
Играй.
Играй.

Из окна второго этажа

Ветрено. Дождливо. Неприкаянно.
Вечер стянут вязкой пеленой.
И играют в Авея и Каина
холод с календарной весной.
Ни на йоту значимей не делая
ни дома, ни землю, ни людей,

морось кокайновая белая
заползает в ноздри площадей.
Небо над землей в полёте бреющем
проплыает, тучами дрожа...
И глядит поэт на это зрелище
из окна второго этажа.
По вселенным недоступным
странствуя,
он воссоздает в своем мирке
время, совмещенное
пространственно
с шариковой ручкою в руке.
И болят без меры раной колотой
беды, что случились на веку...

Дождь пронает стены.
Входит в комнату.
И кристаллизуется в строку.

Тюбик

Он к ней приходит не слишком часто;
ну что поделать, не может чаще.
А в ванной — тюбик с зубной пастой,
ему два года принадлежащий.
Когда он где-то — невыносимо.
И жизнь чернеет, как Хиросима.
Она — как робот. Ее Азимов
с нее и пишет свои законы.
Ее глаза — как глаза иконы.
Его любовь — словно код Симсона.

Ему открыты ее пенаты;
она и речка, и переправа...
А он — женатый. Совсем женатый.
Хотя об этом не стоит, право.
Ей больше думать: с чужим-то мужем!
Но быть одной многократно хуже.
Иначе — темень. Иначе — стужа
в соседстве с Цвайгом и Грэмом Грином.
Весь свет окрестный сошелся клином
на нем. Ей больше никто не нужен.

Они читают одних поэтов,
не любят танцы и папиросы.
И нет у них никаких ответов
на заковыристые вопросы.
Слегка помялась его рубашка.
Его ждет дома дочурка Машка.
Сказать, что всё это рай — натяжка,
и это будет звучать манерно.
Но без него ей настолько скверно,
что даже думать об этом тяжко.

Цветочки в вазе. Дивана мякоть.
Конфет вчерашних сухая сладость...
Она давно отучилась плакать,
ведь слёзы — слабость.
Нельзя, чтоб слабость.
В колонках тихо играет Брубек.
Зубная паста. Всё тот же тюбик.
Они в чужие дома не вхожи.
Их нет в театре, в кино и в клубе.
Зато она его очень любит.
И он ее очень любит.
Тоже.

Меж нами не было любви

Меж нами не было любви,
была лишь ярость катастрофы,
предвосхищаемый финал,
где поезд мчится под откос...
Но эта горечь на губах
рождала образы и строфы,
в которых знанию вопреки
всё было честно и всерьез.

Меж нами не было любви.
Любовь ушла из лексикона.
Сгорела пара тысяч солнц,
нас обогрев — не опалив...
И мы надежду быть вдвоем
определили вне закона,
меж наших странных берегов
придумав Берингов пролив.

Всё было просто и легко,
как “ехал грека через реку”,
но даже в легкости сидел
сомнений будущих росток.
А счастье так легко списать
на притяжение молекул,
на недоверье к слову “боль”
и на весенний кровоток.

Пройдя весь путь от первых встреч
и до финального аккорда —
хоть притворись, что всё прошло;
хоть душу в клочья изорви —
“Меж нами не было любви” —
мы догму заучили твёрдо,
так ничего и не найдя,
что выше этой нелюбви.

Михаил Бриф

Родился в Херсоне. С 1994 г. живёт в Нью-Йорке. Неоднократно публиковался в периодических изданиях и альманахах бывшего СССР и США («Дружба Народов», «Смена», «Новый Журнал», «Побережье» и др.) Автор пяти поэтических книг. Лауреат лондонского международного поэтического турнира «Пушкин в Британии».

***

Как ты день прожила без меня?
Был все так же раскован твой смех?
Любят все, только любят — не всех.
Как ты день прожила без меня?

Как ты год прожила без меня?
Вдосталь было соблазнов, утех?
Любят все, только любят — не всех.
Как ты год прожила без меня?

Как ты жизнь прожила без меня?
Позабыла? Но это не грех.
Любят все, только любят — не всех.
Вот и жизнь пронеслась без меня.

Разлука нянчит нас обоих,
как мать, любя.
Всю жизнь живу одной тобою,
но —
без тебя.

Смеются люди за спину,
поют во мгле.
А ты все плачешь...
Не со мною.
Не обо мне.

Года летят — по гравию, по щебню,
на переездах рельсами звяня.
Любовь моя, как месяц на ущербе,
неслышно ускользает от меня.

Куражится судьба над чудаками.
Прости, любовь: умнеют чудаки...
Ты скрылась за сплошными облаками,
уже не разглядеть из-под руки.

Слушал бешеную выгулу.
Окна отворял.
Убежал с женою друга —
друга потерял.

Все нескладно, все неладно,
пустота вокруг...
Друг, возьми жену обратно.
Возвращайся, друг.

Лихорадит меня и знобит,
холод к самому сердцу проник.
Слишком много скопилось обид,
да кому мне поведать про них?

Жизнь меня умервщляла стократ
и стократ воскрешала меня.
Никому я не друг и не брат,
никому я давно не родня.

Холод к самому сердцу проник,
только он может сладить со мной.
Я давно к этой доле привык,
я не сильно пекусь об иной.

Лихорадит меня и знобит.
Никого я ни в чем не виню.
Мне годами никто не звонит,
да и никому не звоню.

Уже написан Вертер

Листву сшибает ветер,
от леса лишь наброски...
Уже написан Вертер.
Уже прочитан Бродский.

Доколе душу мучить,
коль всех давно издали?
Но лучшие из лучших
ушли в другие дали.

Все лучшие поэты
уже в иных пределах...
Зато избыток света
средь веток поределых.

Пианист

Сгорал над городом закат.
Акации листву роняли.

Парик поправил музыкант
и медленно поплыл к роялю.

Он убаюкал боль в боку.
Оркестру усмехнулся криво.

Так матадор плывет к быку,
чтоб шпагу ткнуть ему в загривок.

***

Кто подскажет мне простые
Безыскусные слова?
Никого вокруг. Пустыня.
Называется Москва.

Надо рвать, крушить и мчаться
В край тот, где поймут меня.
Прощавайт, домочадцы,
Покатил судьбу менять!

На ветру ограда стынет.
Волк зубами щелк да щелк.
Никого вокруг. Пустыня.
Называется Нью-Йорк.

***

Страну мотало как попало —
из ада в ад, из бездны в бездну.
Страна искусно истребляла
своих пророков повсеместно.
Пройди Сибирью, Волгой, Крымом —
всезде флюиды страха, краха.
Поэт и власть. Поэт и рынок.
Поэт и черни. Поэт и плаха.

***

Жизнь, постылая, пропаща,
на край света занесла.
Ночью музыка целящая
отыскала и спасла.

Гаснут звезды оловянные.
Зацветает трин-трава.
Не смолкают окаянные
покаянные слова.

***

Оторвались на лету крылья.
Были крылья, а теперь — рухлядь.
Ты на белые сады Крыма
из-под самых облаков рухнул.
Если прожил жизнь свою зрячно —
это больно, не видать света.
Только более всего страшно,
что бескрылая душа смертна.

***

Так было, было так всегда.
Так дальше будет?
Сгорает в небесах звезда.
Кого разбудит?

В стосотый раз звезда несет
напоминанье:
и вас гнетет, и нас гнетет
не-по-ни-мание.

***

Живем бездарно и коряво,
в сердцах смятение несем,
во всем заведомо не правы,
заведомо грешны во всем.
Небесный полог гладью вышит,
отрада в странствиях ночных.
Счастливые стихи не пишут
и даже не читают их.

Вера Зубарева

Доктор филологических наук, поэт, писатель, литературовед, главный редактор журнала «Гостиная». Президент Объединения Русских Литераторов Америки (ОРЛИТА). Преподает в Пенсильванском университете искусство принятия решений в литературе, кино и шахматах.

Автор книг поэзии, прозы и литературной критики. Лауреат международных литературных премий. Первый поэтический сборник Веры Зубаревой «Аура» (Филадельфия, 1990) вышел с предисловием Беллы Ахмадулиной.

***

Уже начало ноября
К порогу подступает влажно.
И всё, что не случилось — зря,
А что случится — то не важно.
Ведь я уже пережила
Несуществующие страсти
И расцвела, и умерла
В канун ноябрьских ненастий.
Теперь осталось мне смотреть,
Как скручен хрупкий лист у дерева.
Ветвь справаполнится на третью,
Злясь на свободу ветви слева.
И ты, прогонгнув на скамье,
Вдруг примешь резкое решенье.
И победит уже к зиме
Симметрия опустошенья.

***

Нельзя так пропадать в осенне ненастье.
Нельзя, я говорю, нельзя, не прекословы!
Я чувствую — настал святой
Момент согласья,
И пишутся стихи, и пишется любовь.
Всё пишется к тому,
Что я зову — забвеньем:
Лишь стоит написать,
И мне уж невдомёк,
Что было для чего причиной,
Побужденьем —
Строка ли для тебя, а, может,
Ты для строк.
Как мирно, хорошо в уединенье нашем...
И ты идёшь ко мне, и дождь идёт к перу,
И тысячи надежд
Живут в листке не павшем.
И новый счёт минут —
В опавшем поутру.

***

...И снова за окном
Так жизнью переполнен
Осеннй светлый мир,
Недавшийся перу.
Так странен, многолик
Реален и условен!
Не я, а он меня
Включил в свою игру.

Иду не для того,
Чтоб выпросить по слову
У сырости листвы,
У строгости стволов.
Пусть он меня берёт
Отныне за основу
Всех будущих своих
Невоплощённых слов.

Нет миссии важней,
Чем отказаться напрочь
От кисти и холста,
Бумаги и стола,
И загубить свой дар
Хотя бы на день, на ночь.
Чтоб быть не тем, что есть,
А тем, чем не смогла...

***
Разлуки горькие уроки
Вредны душе, но не уму.
Работаю.
Послушны строки
Руке, как сумерки — окну.
Там, за окном, слабее, тоньше
Истаявшего солнца фрез.
Сошлись края небесной кожи,
Как заживающий порез.
И, окружая гласных нимбом
Заката, уходящий пульс,
По строкам, стопам, ритмам, рифмам
К тебе прокладываю путь.

***
Сентябрьский свет —
расколотая призма.
Охвачен вихрем спектров листопад.
А впереди — дожди скучней, чем письма
Того, кто пишет обо всём подряд.
День-два, и отсыреет эта лёгкость —
Смесь крыльев, лепестков и паутин.
И темя роз, и ветки острый локоть —
Всё обнажит осенний карантин.
Ещё чуть-чуть — и не сбежать из сада
В гостиную, как прежде, прямиком.
Лиши постучать и мокнуть виновато,
И слушать сквозь минорное стаккато,
Как кто-то долго возится с замком.
И вдруг вкусить вино осенних мытарств
И перемен — в кромешности потерь,
И захотеть уйти опять в размытость
Почти за миг, как отворится дверь.

***
Пустое время — безразличный ангел,
Прозрачный, узкий, издали похожий
На вазу с очень белыми цветами
Без запаха, как будто бы бумага.
Прищурившись, и можешь наблюдать,
Как мир стоит, немного удлинённый,
На ангела фламинговой ноге.
Вот со щеками стеклодува туча
Дождь выдувает разной толщины.
Он клейко обволакивает шляпы,
Зонты, плащи. Друг друга опасаясь,
Прохожие идут на расстоянье,
Чтоб от прикосновенья не разбиться.
Мне хорошо в такое время спится.

***
В дождь сильнее привязанность к дому,
Дольше улицы выются к теплу,
Придаётся значенье подъёму
И разрытой трубе на углу.
В дождь все земли приходят к единству
По слезе, по струе, по реке —
По земному размазавшись диску —
И молчат на одном языке.
Как с педали не снятая нота,
Резонируют капли в окно.
В дождь всегда вспоминается что-то,
Что, казалось, просохло давно.

***
За сентябрём потянутся дожди,
Размоят все пути и перепутья.
От них бы затворить мне часть души,
Чуть-чуть бездомней
и бездольней будь я.
А так — пускай поют себе навзрыд.
Прошлёнпа по праздникам и будням
Под перебор ветров по древам-лютням,
Под коими корней ковчег зарыт.
А между звёзд, качаясь на ветвях,
Мечтает тихо дом, почти скворечник.
Там пишет мальчик, словно второпях,
В безбрежность обмакнув перо беспечно.
Пузырят дождь, и пишет он легко,
Как Лель свирелью, капли выдувая.
И облаком бушует молоко
Над блесткой алюминьевого края.
Он шепчет, как осипшая листва,
И першил осень алая в гортани,
И дождь кипит на ветках и устах,
И небо разбивается на грани.
А я иду — как будто нипочём
Мне дождь его над древом с колокольней,
Как будто не свирель меня влечёт,
Как будто бы не я всего бездомней...

Рудольф Фурман

Родился в 1940 году в г. Санкт-Петербурге. По образованию — врач, кандидат медицинских наук. Автор поэтических сборников «Времена жизни...», «Парижские мотивы», «Два знака жизни», «И этот век не мой...», «Человек дождя». Печатался в журналах «Нева», «Мосты», ««AVE», «Побережье», «Встречи», «Гостиная», «Шалом», «Слово/Word», «День и ночь» и в различных сборниках. В США с 1998 г.

***
Рожденье дня... Уже вначале
он обещает быть отменным.
Нет и намека на печали
и на другие перемены.

Он не тяжел совсем, не тесен.
На теплых красках он замешан
и, может, потому безбрежен,
что он с душой уравновешен.

Он со вчерашним по сравнению
смирен и чист, как агнец Божий.
Он — по душе, по настроению,
и жаль, что канет в бездну тоже.

А может, буду помнить долго,
как начинался он рассветом,
как небо, сшитое из шелка,
подсвечивалось мягким светом.

Как акварели и пастели
полутона преобладали,
как птицы без умолку пели
и таяли в небесной дали.

Прощальная прогулка

Пока нетерпеливый ветер
дыханием спокойным дышит,
не рвет листву с осенних веток,
а стережет ее, как дичь,
определяя по приметам —
срок осени еще не вышел —
и выжидая, будто сэттер,
когда ее врасплох застичь, —
пойдем, пройдемся по аллеям,
подышим горячью осенней,
пока пропитан воздух ею,
а ветер сдержан, но едва,
пойдем, пройдемся, поглазеем
до эры жертвоприношений,
пока, на ветках пламенея,
еще живет, живет листва.

Сон о зиме

Мне снилось: Петербург, зима,
вечерний час с летящим снегом,
и наступающая тьма
подсвечена его набегом.

Морозец легкий, пешеход
неспешно движется куда-то,
любуется, как снег идет.
Он рад явлению снегопада.

И я вдоль улицы за ним
иду куда-то наудачу.
Я так давно не видел зим,
что тоже радостью охвачен.

То мост, то сквер, то поворот,
то набережная, то ограда...
А я смотрю на снега лет,
на вид заснеженного сада.

Торжественная тишина
сопровождает путь знакомый...
Она же музыка, она
влечет, и ею я влекомый.

И я идти не устаю.
И все с душой моей согласно...

Но просыпаюсь и встаю,
а сон свой вижу так же ясно,
как эту явь, как этот дом,
как на стене картины эти...
Как странно побывать в былом,
где зимы есть еще на свете.

***
Не улетали бы,
не улетали
желтые, красные
дерева дети.
Долго б на ветках
еще трепетали,
если б не этот
отчаянный ветер.

Если бы жизнь
нас с тобой не трепала,
жили бы счастливо мы
и беспечно.
Только все то,
что имеет начало
и продолжение —
не вечно, не вечно.

Слова звучат, звучат слова
и тают в воздухе, как птицы.
И жизнь открыта на странице,
где предпоследняя глава.

Где все подвергнуто сомнению,
где меньше радостей, чем бед,
где меньше доверяешь зренюю,
где, как спасенья, ждёшь рассвет.

Уже седеет голова,
и опыт всё опровергает...
Звучат слова, звучат слова
и в воздухе, как птицы, тают.

Какое пронзительно чистое утро
Впервые за осень подарено нам.
И кажется, всё в нём и ясно, и мудро,
Как будто его рисовал Левитан.

Нездешний покой в нём, а синее небо
Громадным провалом
в бессветную глубь.
И пахнет у булочной утренним хлебом,
И «Доброе утро» срывается с губ.

***
Нет в мире мелочей и чепухи —
до атома продуман он и взвешен.
Ему нужны и эти лопухи,
и стрекоза, и кисточка черешен,
и этот подорожник, и цветок,
которому названия не знаю,
и под шаги рассыпанный песок,
что тяжестью своей я приминаю,
былинка, птичка, бабочка, листок,
фонарик красной спелой земляники...
Нет мелочей — без них бы мир не мог
существовать — в нем все равновелики!

А если б мог?.. То обеднел бы я
на цвет, на звук, на слово, на движенье,
на радость встречи с тайной бытия,
на мысль, на красоту, на вдохновенье.
И что-нибудь случилось бы с душой,
ведь в мире этом все неповторимо,
в нем все равны — и малый, и большой,
большой и малый — в мире всё едино.

Вид из окна

Город. Осень. Ночь как бред —
чёрный цвет фантазий...
Фиолетовый рассвет...
День голубоглазый...

Вечер синий, как берет
проходящей дамы...
Вот, увы, и весь сюжет
заоконной драмы.

***
Жизнь быстротечна и не вчна.
Такой, как говорят, расклад.
Сгорают судьбы человечьи,
а рукописи не горят.

Как странно и несправедливо
судьбой творца владеет рок,
раз остаётся Слово живо,
а он себя не уберёт.

СЕРВИЗ ГАРДНЕРА

Буфет был величественно высок, из настоящего дуба и напоминал здание готического собора: центральная часть – с резным заборчиком-балюстрадой по верху и большой широкой стеклянной дверцей, а по бокам – две высокие башни с длинными узкими дверями. Сервиз стоял обычно в центральной части буфета, и в яркие дни лучи из окна до краёв наливали его тонкие, почти прозрачные чашки тёплым солнечным напитком, проникали сквозь овалы, квадратики и прямоугольники толстых гранёных стёкол главной дверцы. Когда Розочка подтаскивала к буфету тяжёлый стул, влезала на него и заглядывала через эти стёклышки внутрь, рискованно становясь на цыпочки, ей была видна сложная композиция из восьми чашек, такого же количества блюдец, молочника, сахарницы и заварочного чайничка – всё это с миниатюрным узором бело-жёлтых ромашек на густом изумрудном фоне. Все предметы, конечно, были повёрнуты к зрителю своей лучшей стороной – с рисунком (это горничная Полина старательно расставляла их так, возвращая в буфет после каждого чаепития с гостями), но девочка знала, что несколько узеньких стебельков усердно тянутся и на обратную сторону каждой чашки. Розочка вообще любила заглядывать в разные потайные места: и за пианино с бронзовыми подсвечниками, и под круглый стол, накрытый почти до пола длинной шелковистой скатертью, и под кровати, – но эта дверца в буфете, где тихо обитал старинный сервиз, нравилась ей больше всего.

Однажды – как-то сразу – и гости, и чаепития прекратились. Взрослые всё время были сильно взволнованы, говорилось много незнакомых слов, с тревожными буквами «р», которые Розочка плохо и карташно произносила... На улице часто стали раздаваться оглушительные весёлые хлопки, и, хотя Розе было очень интересно выяснить, что же это такое, гулять туда ей больше не пускали... Вдруг, как-то ранним утром, Розочку разбудил неимоверный шум – она никогда не слышала, чтобы так стучали во входную дверь, и выскочила из своей спальни. Какие-то крепко пахнущие противным кислым запахом люди, в высоких шапках и полушибах, уже толпились в гостиной. Все домашние – папа, мама, бабушка и Полина – стояли рядом, а эти люди почему-то орали на них:

– Золото!!! Золото давай, жидовня!

При этом один из этих невежливых людей сильно стегнул плёткой по стулу, а другой так резко рванул дверцу буфета, что из него выпала и звонко разбилась на малиновенькие кусочки сервизная чашка... Что было дальше, Роза не видела, потому что мама тут же утащила её назад в спальню. А когда, через какое-то время, Розочке опять разрешили выйти в гостиную, там уже всё было по-старому: кислых людей не было видно, осколков чашки – тоже. И можно было подумать, что всё это ужасное событие девочке просто приснилось, если бы она тут же не заметила глубокую рану на том стуле, что обычно стоял у буфета: обшивка на нём треснула и какая-то пыльная белая вата некрасиво торчала изнутри – Розочка тут же потрогала её... Этот несчастный стул сидёл долго стоял в гостиной, но никто не обращал внимания на случившуюся с ним беду...

***

– Вот, смотри, – говорила мама, тщательно заворачивая каждую чашку в несколько слоёв газеты, – здесь, снизу – двуглавый орёл и надписи: «Москва», «Завод Гарднера» – с твёрдым знаком... Дедушка говорит, что наш сервиз изготовлен в 18 веке одним из первых русских заводов фарфора и фаянса – заводом Гарднера. В двадцатых годах, когда махновцы ворвались в дом, я была ещё совсем маленькая. Во время этого налёта и разбилась одна из чашек...

Мама и Маруся сидели на полу среди корзин, узлов и баулов, которые стали складывать прямо посередине квартиры уже несколько дней назад. Маруся знала, что они едут вместе с жестекатальным заводом, на котором главным инженером работает папа, и отъезд этот называется не просто отъезд, а «эвакуация». Ради говорило совсем дикие вещи, и выходило, что немцы всё приближаются и приближаются к их городу. Так что мамины спокойные рассказы о сервизе звучали сейчас странно, похоже, что она просто отвлекала Марусю и себя от чересчур опасных мыслей.

***

...Приехали на Урал, в какой-то Северск. Даже название этого посёлка звучало холодно и страшно... Здесь действительно уже лежал снег, хотя дома они оставили совсем ещё не позднюю осень. Рядом с посёлком гремел, пыхтел, испускал дым и вонь, металлургический комбинат, а вокруг, на многие и многие километры – мелкая мутка позёмки и молчаливые тёмные леса с высохенными соснами. На этот комбинат и прибыло эвакуированное с Украины оборудование жестекатального завода. И его работники. И они – папа, мама, дедушка, бабушка и Маруся. Сняли небольшую избу, скорее избушку, на одну комнату в хозяйстве Харлампия Пе-

тровича и Елизаветы Фёдоровны, коренных местных жителей – потомков катеринников и золотоискателей. А как устроились, самой первой неприятной заботой стали... вши. После многих дней изнурительного пути в теплушках, сна на узлах и вокзальных скамейках ими особенно кишили Марусины косы – так что ей пришлось превратиться в хорошенёкого, коротко остриженного мальчика. Но и это не помогло обойтись без керосина, нудного многократного вычёсывания Марусиного ёжика мелким бабушкиным гребешком и насекомых, выпадавших на подставленную бумажку... Замученную, сонную, красноглазую Марусю сначала даже не особенно удивило устройство деревенской жизни: деревянная пахучая русская баня во дворе, непривычный вкус ледяной колодезной воды, да и сам колодец, сени, сани, лошади... Потом она всё хорошо рассмотрела – и довольно быстро привыкла.

В первый класс школы – с опозданием на несколько месяцев – Маруся пошла уже через несколько дней. Вернее, поехала: по утрам детей из ближайших домов к школе подвозили на розвальнях соседские взрослые сыновья, отправляясь на работу. Если по какой-то причине подвезти было некому, Маруся с подружкой Милкой Веткиной и хозяйственным сыном Андреем топали в школу сами, по снегу – далеко, но ничего, дойти можно.

Одно плохо – поначалу было голодно. Папа получал на заводе хлеб, но с другими продуктами приходилось туго. Марусю, конечно, старались подкармливать, как могли.

– Роза, – говорила бабушка, – у ребёнка молочка нет... Пойди, выменяй у людей на чулки...

И мама меняла – на свои новые красивые чулки, кофточку, косынку... А один раз, когда Маруся приболела, даже поменяла чашку из сервиза на маленькую баночку мёда.

Вскоре дедушка начал где-то подрабатывать: пилил дрова, чинил что-то хозяйствам – за картошку, за лук... И мама пошла работать на завод, сначала в цех, потом печатать на машинке. Она тоже получила пакет – и стало полегче.

***

За два дня до Нового года Маруся заявила Милке Веткиной:

– Милка! Как же мы будем встречать Новый год без ёлки? Папка твой всё время обещает привезти, и мой тоже – и всё им никогда и никогда... Давай сами пойдём в лес и срубим маленькую ёлочку!

Мила тоже была «эвакуированная», но не такая решительная, как Маруся. Она долго думала, наверно, минут пять, потом согласилась. Девочки незаметно (Марусина бабушка была дома) взяли в сарае маленький топорик, положили его в санки и направились в лес. Он, казалось, совсем рядом – стоит только белую полянку перейти. И нужных ёлочек там должно быть полным-полно.

Ходили долго, санки уже с трудом тянули за собой, несколько раз падали, в снегу извялялись, но маленькую ёлочку не нашли. Когда же нашли что-то похожее, оказалось, что где-то поселяли топорик, видимо, упал с санок. Приялись его искать – и совсем заблудились: ни топорика, ни ёлочки, ни тропинки домой... А темнеть – рано, быстро... И тихо-тихо стало, страшно-страшно...

Друг на друга девочки уже не глядят, всё по сторонам, вот уже и блёстки какие-то в лесу показались – волчьи глаза, наверное... Милка начала потихоньку подыскивать от страха, Маруся тоже бы закричала в голос, но нельзя.

– Молчи, – говорит она Милке, – не вой. Давай вон туда, в ту сторону... Нет, вон туда...

Бродили, пока совсем не стемнело. Вдруг в лесу за спиной какое-то шевеление – девочки совсем обомлели...

– Тю, чё вы, – дурные? – говорит знакомый мальчишеский голос. Да это же Андрей! – Вас там уже обыскались! И ваши, и все мои... Я вот додул, куда вы делись, и по следам вашего попёра – хорошо, что снег не идёт... Давайте домой скорее, а то попадёт вам по первое число!

Домой почти бежали из последних сил, опять падали, но уже весело, не страшно с Андреем-то: он и дорогу знает, и про волков смеётся – нет тут никаких волков,

Рисунок:
Андрей Рабодзеенко (Чикаго)

Семён Каминский

Прозаик, член Международной ассоциации писателей и публицистов, Международной федерации русских писателей и Объединения русских литераторов Америки. Живёт в Чикаго.

Публиковался в периодических изданиях разных стран, в том числе в журналах «Дети Ра», «День и ночь», «Северная Аврора», «LiteraruS», «Новый берег», «Ковчег», «Сура», «Время и место», «Edita» и многих других. Автор книг: «Орлёнок на американском газоне», «На троих», «30 минут до центра Чикаго». Член редколлегий еженедельника «Обзор» (Чикаго) и газеты «Наша Канада» (Торонто).

говорит. Наверно, нарочно, чтобы их успокоить...

Дома попало за всё – особенно за дедушка потерянный топорик. Правда, не лупили, наверно, от радости, что они нашлись. И вообще Марусю никогда не лупили, хотя она всю вину на себя взяла, даже к Милкиной маме, тёте Гале, ходила извиняться (так Марусина мама сказала).

Ёлку привезли на грузовике на следующий день, совсем не маленькую, поставили у них в избушке, украсили какими-то цветными бумажками и ленточками – и всё было как положено. И Милка, и Андрей, и другие соседские дети пришли.

А под самый Новый год мама позвала Марусю за шкаф, который, как перегородка, стоял посреди избы, закрывая кровать. Она распаковала баул со старинным сервизом, достала чашку с блюдцем и говорит:

– У нас ничего особенного нет, чтобы подарить... Ни книг, ни игрушек... А какие наши хозяева люди хорошие, так за вас волновались... Андрей – вообще младец! Подари ему вот это на память...

***

Огромный чикагский выставочный комплекс Маккорник Плэйс располагался на берегу озера Мичиган, рядом с весёлой и очень красивой скоростной дорогой Лейк Шор Драйв. Машину Ани запарковала в бесконечном подземном гараже, записала на парковочном билетике номера отсека, ряда и места (если забудешь, где оставил, машину придётся искать целый день), спрятала билетик в портмоне и бодро шагала по подземному миру туннелей, переходов и бегущих дорожек, рассматривая указатели и стараясь не заблудиться. Спрашивая, куда идти, здесь было не у кого – пространства столь велики, что людей почти не видно, хотя одновременно в комплексе проходит несколько профessionальных выставок. Через десять минут ходьбы Аня стала уже понемногу паниковать, но наконец – ура! – увидела надпись, сообщающую о Международной выставке фарфора и фаянса, а вскоре нашла и тот отдел, в котором расположились изделия их фирм и стояли её собственные творения. До начала получасовой презентации оставалось буквально пару минут, и около полусотни приглашённых уже сидели в специально отведённом для этого отсеке с микрофонами и видеопроектором...

Когда всё закончилось, Аня ответила на несколько незначительных вопросов по поводу своей коллекции, а затем отправилась поглядеть на соседние отделы. Недалеко, в том же павильоне, оказался выставочный киоск русской фарфоровой фабрики с Урала. Аня заинтересовалась экспонатами соотечественников и подошла поближе. К ней сразу же направился молодой сотрудник, предлагая свои услуги. Наклейка с именем на его футболке гласила «IGOR», а английский, хотя скорее британского, а не американского образца, звучал уверенно и вполне прилично. Сопровождая Анию вдоль стендов, он принялся что-то старательно объяснять, но она, не особенно вникая в смысл, просто с удовольствием слушала, как он говорит, мысленно улыбаясь знакомому акценту и с интересом рассматривая на рассказчика, когда в процессе пояснений он поворачивался к ней боком.

...Симпатичный, чернявый, с деликатными чертами быстрого лица... «Не то что твой надутый американец Майкл», – сказала бы мама. Маме Майкл не нравился.

«Да, мне твой Майкл никогда не нравился, а этот парень – наш человек...» – так, конечно, продолжала бы мама.

Ну, Майкл уже полгода как совсем не «ё», и вообще уехал работать в Детройт... Неожиданно молодой человек что-то

сказал об изделиях старинного русского завода Гарднера. Аня глянула на стенд – и обмерла: под стеклом, в качестве примера, стояла чашка с блюдцем – ну, точная копия чашки из её домашнего сервиза!

– Простите, Игорь, – сказала она по-русски, введя собеседника в полный ступор, – не могли бы вы сказать, откуда взялась здесь эта чашка? Дело в том, что у меня хранится, так сказать, фамильная реликвия – сервиз Гарднера, привезённый родителями и бабушкой из Союза. В сервизе не хватает нескольких чашек. И похоже, как раз эта вот чашка из такого же комплекта...

– Вы говорите по-русски! – только через несколько долгих секунд смог выдать изумлённый Игорь. – Я... Эта чашка... Это, в общем-то, моя личная чашка... Когда мы готовили сюда экспозицию по истории русского фарфора, я временно взял её из дома... А вы что, русская? И живёте здесь?

– Ну, можно так сказать, – улыбнулась Аня. – Меня зовут Аня, – и протянула руку...

На правах американской хозяйки Аня привлекла Игоря в одно из маленьких кафе, которое располагалось тут же, в холле, на выходе из павильона. Она понимала, что сам он ни за что бы не решился здесь на такой смелый поступок, а ей так хотелось узнать подробности...

– Мне рассказывала мама, что эта чашка была вроде подарена моему деду одной девочкой. Это было ещё во время войны. Эвакуированная семья этой девочки жила в их доме, в Северске, а дед в ту пору был, конечно, юношкой, ровесником девочки или немного старше. Правда, имени этой девочки мама не знает, а дед умер много лет назад...

– А как, Игорь, звали вашего дедушку?

– Аня вдруг почувствовала зудящий холодок предчувствия.

– Его звали Андрей...

Она уже набирала номер на мобилке. Соединение отсюда была неважное, сигнал то и дело прерывался.

– Мама!.. У меня всё в порядке... Говорю, в порядке. Да, я на выставке... Скажи мне, пожалуйста, как звали того мальчика из Северска, о котором нам рассказывала бабушка? Ну, который спас её в лесу и которому подарили чашку... да, чашку из сервиза! Мне зачем? Нужно!.. Сергей? Андрей?.. Повтори, пожалуйста, плохо слышно... Андрей!

Ещё держа телефон в щёки, Аня встретилась глазами с Игорем. Вид у него был совершенно сумасшедший...

***

Сервиз стоит на центральном стеллаже одного из стеклянных шкафов в гостиной большого дома. Здесь всегда много света, и лучи из высоких окон до краёв наливает тонкие, почти прозрачные чашки тёплым солнечным напитком. Роуз (рабадушка Маруся) смешно зовет её по-русски «Розочка») хорошо видна композиция из шести чашек, блюдец, молочника, сахарницы и заварочного чайничка – всё это с миниатюрным узором бело-жёлтых ромашек на густом изумрудном фоне. Все предметы, конечно, повёрнуты к зрителю своей лучшей стороной – с рисунком, но девочка знает, что несколько узеньких стебельков усердно тянутся и на обратную сторону каждой чашки... Впрочем, при желании, это можно разглядеть и в зеркальном заднике шкафа. Роуз не разрешают открывать широкую стеклянную дверцу, но она подолгу рассматривает через стекло это место, где тихо обитает старинный, немного потёртый сервиз, а вокруг, на соседних полках, от пола и до потолка расположилось множество многоцветных керамических изделий, сделанных по рисункам её мамы.

Но иногда, когда она долго стоит здесь, ей почему-то видится нехорошее: какая-то маленькая девочка в далёкой стране в длинном платье с оборками плачет навзрыд, спросонья испугавшись з

Ирина Акс

Родилась и полжизни прожила в Петербурге. Сейчас живу в Нью-Йорке. Стихи сочиняю с детства, публикую – лет с 17, выпустила две книги стихов, участвовала в сборниках и альманахах: «Земляки» (Москва), «Неразведенные мосты» (Петрбург), «Нам не дано предугадать» (Нью-Йорк), «Галилея» (Иерусалим), «Тайвас» (Хельсинки), «Гайд-Парк» (Лондон), «Эмигрантская лира» (Брюссель), «Откровения» (Голландия) и др. Лауреат и призёр многих международных конкурсов, среди них – «Золотое Перо Руси», «Эмигрантская лира» (Брюссель), конкурсы журнала «Чайка» (США).

..И я там был, МЕД-ПИВО ПИЛ...

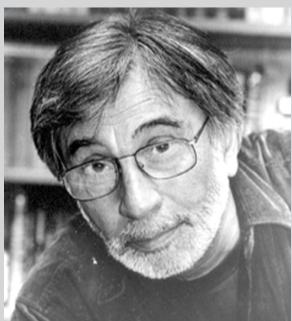
Только рюмку поднесем ко рту мы,
Предвкушеньем праздника томимы –
повернется колесо Фортуны,
и опять все в жизни как-то мимо...

Вроде бы варились в самой гуще!
Были ж страсти, помыслы благие!
Нас за скобки вынес Всемогущий,
мы идем по списку «и другие».

Но зато, когда наступит старость –
отряхнем реликвии от пыли!
В благодарной памяти осталось
«по усам текло» и «мы там были»...

Мир везде и всюду ОДИНАКОВ (Ал. Межиров)

Мир везде и всюду одинаков!
Можете сидеть в тени секвой,
иль в степи под солнцем среди маков,
иль в снегу по крыши под Москвой...

Юрий Бердан

Живёт и работает в Нью-Йорке. Профессия – журналист. Автор трёх книг художественной прозы и четырёх сборников стихов. Публикации в периодической прессе России, Украины, Израиля, Германии, Австрии, Англии, США. Призёр и лауреат международных литературных конкурсов, в том числе – «Золотое Перо Руси», «Пушкин в Британии», «Литературная Вена» и др.

***

У супруги от природы
Красота и добрый нрав:
Верит в то, что через годы
Обретут покой народы,
Верит в мир, в прогноз погоды
И эффект целебных трав,
В смертоносные кометы,
В жизнь на Марсе и Луне,
В дружбу, счастье и приметы,
В президентские заветы,
А не верит только мне.

***

Мне искупать свою земную грешность
В мучениях вечных среди буйства плазм
За то, что я, тиран, пытаюсь нежность
Насильно выдать замуж за сарказм.

Май. Суббота

Какой был день! Безумно голубой!
Скателька на поляне. Май. Суббота.
И музыка, и смех. И мы с тобой
На чёрно-белом, чуть примятом, фото.

А я строитель ГЭСов и плотин!
А я что надо парень, свойский в доску!
А я в шикарном батнике «made in»
(Поймут ли? Вспомнят?
Или сделать сноска?) –
Добытый «с рук» и на двоих один,
В оранжевую, кажется, полоску.

Человеку надо так немного, если он – философ и поэт. Нет, не три березы у порога: хлеб, вода и быстрый Интернет!

Осеннее

Пора, мой друг, пора считать цыплят,
вздыхать и квасить на зиму капусту...
Сесть у торшера,
взять Марселя Пруста...
вновь не осилить, как и год назад...

Осмыслить суть вопроса «сколько лет»
(мол, не на зимы счет годам ведется,
а лето – позади...) теперь придется
весь вечер в кресле, завернувшись в плед,
нехитрому досугу предаваться:
ведь в сумерки дождливые шагнуть
не хватит духу... завтра... как-нибудь...
Так лень вставать и переодеваться,
так нежат тело тапки и халат...
А завтра – в морось,
к золоченым кленам...
Унылая пора... о чём бы взглянуть
на миг запнувшись взором утомленным?

На солнце, среди шелеста осин,
Ни капли о себе не понимая,
Мы шуримся, друг друга обнимая,
Задолго до прихода наших зим,
В конце ошеломительного мая.

А ты смеешься, и над бровью прядь,
А я – небритый и слегка поддатый.
Еще не притвориться, не соврать,
Еще не скоро мамам умирать...
И нет на обороте слов и даты.

По ком я плачу? И за что плачу?
О чем молчу и как себя лечу?
Зачем в себе – жестокая работа! –
Ежеминутно хороню кого-то,
Ежеминутно жгу над ним свечу...
...
Моя весна – лазурь и позолота –
Щекой прижалась к моему плечу
На черно-белом, чуть примятом, фото.

Вальс под кленом

Жгу листья красные в костре
И тихо вою...
Кирпичный след на пустыре
Зарос травою.

Дома, дороги, гаражи –
Нет ни осколка.
Куда ушла отсюда жизнь?
Зачем? Насколько?

Гитара, тайная любовь,
Туман по склонам,
И пляжный плеск, и волейбол,
И вальс под кленом...

И сутки с пачкою галет,
И счет удачам...
И было мне семнадцать лет
В поселке дачном.

Промчался в осень мотоцикл
С расстрельным треском...
Опять сезон дождей косых.
Налить бы... Не с кем.

Рюкзак на кожаной спине
Мотоциклиста.
На пустыре, в костре – во мне
Сгорают листья.

А по радио дождь обещали...

Помню, когда-то жила в Ленинграде я:
тихий застой без излишних харизм.
Радио было у нас, а по радио
дождь обещали. Еще – коммунизм.

Для обещаний теперь – телевидение,
Твиттер и прочий научный прогресс.
Нынче – по-взрослому, по-настоящему,
разных послов теперь – до небес!

И обещает покруче, похлеще нам
– как его? этот... – национальный и вождь!
Но, как всегда, из всего, что обещано,
честно получим обещанный дождь...

Агностическое

Как ни ищи намек, а сказка – ложь,
и Там, похоже, нету ничего,
но если вдруг Он существует – что ж,
Он примет и не веривших в Него...

Новогоднее

Опять грядет перед шампанского
и студня, а так же время подводить итоги года...
Ах, как небрежно мы
пролистывали будни –
как в толстой книжке описания природы!

Нетерпеливо поторапливали стрелки:
скорей бы вечер!
(праздник, отпуск, новоселье...)
Для нас рутинные занятия –
слишком мелки, мы алчим бурного, пьянящего веселья,

Михаил Рабинович

Родился в 1959 году в бывшем Ленинграде. Работал, естественно, инженером. В Нью-Йорке с 1991 года. Работаю, конечно, программистом. Печатался в журналах России и Украины, США и Израиля, автор сборника рассказов «Далеко от меня» и книги стихов «В свете неясных событий».

***

Проснулся. Жизнь не удалась.
Поел овсянку. Не сложилась.
В душе потёмы, в кухне грязь.
Не удалась. Скажи на милость,
зачем на жимолость, кривясь,
ворона грузно опустилась?
В окне не видно темноты.
Шарф. Варежки на батарее.
Малы. Далёкие черты
мины, но гаснут тем скорее,
чем медленнее дышишь ты.
Не удалась. Ворона реет
как Буревестник над седой
равниной. Собака лает,
ранимая. Привет, я свой.
Привет, ты тоже ведь живая.
Проснулся. Счастье, боже мой.
Не удалась. Не понимает.

***

Не остаётся ничего,
но что-то всё же остаётся,
неясное, и тень его
неслышино плачет и смеётся –
двойное эхо, тихий свет
предотвращает то, что было,
бывало, скажешь да, но нет –
как под струёю тёплой мыло –
всё исчезает, подо льдом
всё остаётся, точка. Снова
слова простые – день, дым, дом.
Всё исчезает с каждым словом
всё исчезает навсегда,
всё остаётся, запятая,
в простых словах – ты, мы, нет, да –
что исчезая, исчезая,
останутся.

хотя пора б уж стать мудрее:
время длится,
и все в нем ценно:
взгляд, улыбка, борщ, котлета,
уменье вглядываться в линии и лица...
Вот – отгуляли Новый год...
Скорей бы лето!

Эмигрантский стишок

Хорошо там, где нас нет
(народная мудрость)

Там, где нас нет – совсем нехорошо.
И, к сожалению, хуже с каждым днем.
Взглянуть издалека – кошмар и шок,
а если уж вблизи... ага, замнем.

А нам-то – хорошо, ведь мы – не там!
Мы – там, где хорошо, и всем привет!
Мы – тут! И лишь одно досадно нам:
нам плохо от того, что нас там нет...

ВНОВЬ Я ПОСЕТИЛ...

Вот и пятница, и вновь я
посетил тот уголок,
где звучит «твое здоровье!»
где никто не одинок.
Разольется по стаканам
счастья чистая струя –
и неведома тоска нам!
Только – радость бытия!
Что сказать? Да просто: будем!
Краткость – верная сестра.
При любой погоде чуден,
длится вечер до утра. .
...Утро будет невеселым:
губы горькие сухи...
Не запасшийся рассолом
пишет грустные стихи.

***

Дождь покапал и прошёл,
не замочишь локоть.
Объективно – хорошо.
Субъективно – плохо.

На работу мне идти
рано утром надо.
Объективно – позитив,
субъективно – гадость.

А когда бреду домой,
очертанья стёрги.
Объективно – боже мой!
Субъективно – к чёрту...

Как ни близок локоток,
в даль уходят годы.
Объективно я в пальто,
субъективно – голый.

Маскируясь и таясь,
говорю с собою.
Объективно – это я,
субъективно – взвою.

Что-то стало холодать.
День жарой скучожен.
Объективно не понять.
Субъективно – тоже.

День разбит на времена суток:
вечер, утро, тень, печаль.
Стаи очень диких уток
покидают нашу даль.
Разбивая блики света,
улетает самолёт.
У кого билета нету –
тот по улице идёт,
покупает в гастрономе
водку, ручку, чёрный хлеб,
отывает дохлый номер
тихой тенью на стекле
между небом и работой
с девяты и до шести.
Ночью, спрятавшись с икотой,
напевает тот мотив,
что был заперт неумело
пассажиркой в самолёт.
Из листа бумаги белой
ручкой буквы достаёт.
Под далёкий гул и пенье
он вливается тогда
в это вечное движенье
ионткуда в никуда.

Александра Шнеур

Родилась в России, жила в Эмиратах, теперь – на Кипре.

Кошки

Кошки – иногда – бывают бессмертны.
Хочешь – сбежим,
наврем хоязике с три короба?
В круглых зрачках мелькнет
распятое небо –
Сполохи молний –
крыши большого Города.

* * *

...а завтра впервые не выйду встречать
На пристани быстрые корабли.
Я разучилась – ждать и прощать,
мой вероломный Улисс.

* * *

Годы затворничества – бесплотны.
Ныне же внемлю речам и стихам;
Я брошу кольцо в соленую воду,
Веселая выйду к моим женихам.

Несостоявшееся

...и только море. Горько-солоны –
Вода ли, слезы... Глупо умирать –
В земле, похожей на библейский рай.
Всего за две недели до весны.

Во всех церквях звонят колокола,
В холмах над виноградниками дым.
Оливки, пресный хлеб, глоток воды –
Не стоит слишком много желать.

Детей растить,
ходить на Пасху в храм –
Когда бы жить еще полсотни лет...
Уже не мне. Когда бы не жалеть,
Что жизнь – была.
Что глупо – умирать.

Reminiscences

...а помнить только перстни и слова,
Смешной приказ (не искушать судьбу),
Бесовскую игру стеклянных бус,
Которой я учились – не у Вас,

Но никогда так не была близка
К победе – неизбежнейшее зло.
Итак, лукавить наше ремесло,
Ведь ложь нежна, а логика низка.

Лишь Вы вольны и вправе осуждать
Мою неблагодарность, милый князь.
Не правда ли, Вы помните меня –
Слова и перстни – тяжелее льда...

Побег. Простонародное

Мокрый ветер обрывает ставни,
На горячих пальцах стынет воск;
К зеркалу, отчаянная, встану
С ножницами для тяжелых кос.

Бьется шибче бедное сердечко,
Черной змейкой шевельнется страх;
Сборы – нож да старая узечка.
Дура девка, а не конокрад –

Аки тать, из-под родного крова...
Месяц улыбается во сне,
Войлоком обмотаны подковы,
Сыплется черемуховый снег.

Finita

Флаги выцвели от соли.
Ветер душный и больной.
Я умею жить в неволе –
Быть послушною женой.

Сети сладко пахнут тленом –
Неизбывною бедой.
И нежна морская пена
Над тяжелою водой.

Август. Простонародное

Август – зеленые звезды,
Русалочий хоровод.
За тем старинным погостом
Вороний король живет.

Заброшенная дорога,
Остывшая пыль – полынь.
Безбожница, недотрога,
Некстати шепчешь – аминь.

Вернешься почти на рассвете
Босая через покос –
Ликуя, стыдясь соседей
И спутанных русых кос...

Загородный Сад

... а этот день был долгим.
И никчемным.
И запах пыли, и речной воды...
Фальшивые индейские тотемы,
Собачий лай и сладковатый дым.

... а я несу – серебряную кошку
(Бессовестно – нечестно – умирать!)
Мои шаги хрустально-осторожны,
Моим рукам тепло от серебра.

Причтение

...За ночь помертвевшие деревья.
Покаянней прежнего твержу:
Отпустил бы ты меня, царевич.
Ни за чем-то я не пригожусь.

Обморочно-свежий запах хвои –
То ли траур, то ли торжество.
Словно сняться – окрики конвоя,
Колокольный да кандалльный звон.

За ночь опустевшее подворье...
С каждым днём, как сына увезли,
Горше и обыденнее горе.
Да ужели к Пасхе – отболит?

Письмо с Кипра
(первый вариант)

Благословенны соль и горький мёд,
И гавани, и горные хребты.
Избавившись от страха немоты –
Не раньше, чем когда она придёт.

Ещё свободен, словно арестант
В бегах. Хотя – куда ты убежишь?
Закончатся стихи – начнётся жизнь:
Arthur Rimbaud. A Chypre. Poste restante.

«Артур Рембо. Кипр. До востребования» (фр.)

Банальное. И рифмы тоже

Моему милому, который стихов не читает –
ни моих, никаких. И слава Богу

Мой бедный. То ли Йорик, то ли – Брут.
Что я тебе? Зачем мне – это бремя
Вины, когда безжалостное время
Идёт войной, а пленных не берут?

Вокруг вода – солёная, как кровь.
Зачем мы ждём у моря непогоды,
Коль грош цена
расхваленным свободам,
И крепче смерти – бедная любовь?

Молдова

Виктория Чембарцева

Родилась и живёт в Кишинёве. Окончила факультет маркетинга Экономической академии Молдовы и факультет психологии Института непрерывного образования. Член Ассоциации русских писателей Молдовы. Член Союза писателей Москвы. Автор поэтической книги «Тебе...» (Кишинёв, 2010) и ряда публикаций в периодике и коллективных сборниках. Участница Форумов молодых писателей России (2009-2010). Победитель и лауреат многих международных литературных конкурсов.

Ещё одна весна

На кромку туч повешена луна –
блестит блесной в заоблачном затменье,
и вызревает новая весна
из шёлка голубиного гуленья.
И плен земли, разорванный травой,
и тлен листвы, разбросанный ветрами,
и нимбы фонарей над мостовой,
и мелко моросящими шагами
идут дожди.
Твой ангел у окна
сидит, обивши крыльями колени,
молчит о нас
ещё одна весна,
а сны опять в восточном направленье.

* * *

Открытки потускневших островов..

Который год,
который день
и лето
нет писем:
ни вопросов,
ни ответов
в чужом многообразье адресов.

Я помню сад...
И лотос зацвел,
и в спешке – фотография на память,
и в сердце боль, и в форме сердца –

камень,
и камень сердца бился болью там,
где ветви рёбер клеткою сплелись,
где трепетать за солнечным сплетеньем
душе по-птичьи легковесно,
в высь
пока не призовут её на бденья...

А ввысь ли призовёт уставший Бог,
заботами натруженный земными?
Уста его произнесут ли имя,
иль может – вечность обивать порог
за райский плод прижизненного ада...

Я помню:

лотос,
ты на фоне сада,
стена лиан
и неба
потолок...

Неисповедимое

Там детство в закрытые двери стучится.
обёртка конфетная, мёртвая птица,
зелёного солнца стекляшечный свет.

Там время сквозь полуночную дудочку льётся,
пугает студёное эхо колодца,
всё то, от чего избавления нет.

Там кукла плетётся из прутиков ивы,
бесстыдство коленей в ожогах крапивы,
и стрёкот сверчковый неисповедим.

Там жалость – до слёз –
непонятно тревожит.
воробышка греют в ладонях, чтобы ожила.
И всё ещё будет, и всё впереди.

Человек декабря

Человек декабря. Ты живёшь за
картонной стеной,
окунаешь гортанный речь в
говорливую речку,
что прибилась к порогу. Ты
слышишь, как спорит с судьбой
на задворках старик, проклинающий
ветхность.

Ты выходишь из дома по следу
опавшей листвы,
чтобы следовать свету, скользящему
по вертикали
из раскрытоего неба. И крошится
стебель травы
под ладонью в кармане,
наполненном волгой печалью.

Ты от срока до срока изнашиваешь
вещество,
что дыханием бога проникло в
телесные клети.
Ты боишься друзей и предательств.
Но больше всего
ты боишься внезапной любви и
беспамятства смерти.

Ты – седеющий мальчик – один в
сердцевине зимы
под пронзительным утром и
предощущением снежным.
Человек декабря.. Были двое – и
мы, и не мы –
говорливые воды, молчанье и тихая
нежность.

* * *

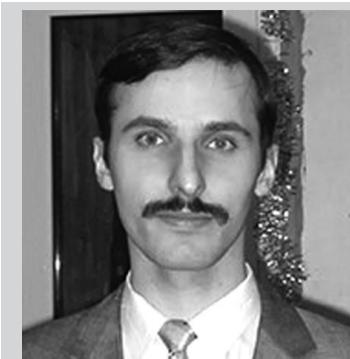
Когда внутри такая тишина,
что прошмыгнёт в прореху мышь
слепой безликой мыслью –
горячим красным молоком
тутого звука в горле ком,
сворачиваясь, киснет.

Вмешая и добро, и зло,
лелея это ремесло,
несёшь свой крест голгофный
и так идёшь: то вверх, то вниз,
то учишь петь ручных синиц,
но журавли всё глохнут.

А жизнь висит на волоске,
качаясь с ветром налегке
душою листопадной,
и осень длится, как река,
и носит счастье в руках
для рая и для ада.

* * *

Вот так... быстрой, чем падает ресница,
чем в розе червь съедает сердцевину,
мелькают дней безликих вереницы,
и осень снова тихо дышит в спину
ментоловыми звёздными дождями,
за полумраком – стёкол
дребезжанье,
и мумия мушина на раме,
и влажный сад с уснувшими цветами,
и шорох светляков, и след молочного –
дрожит вода на донце лунки лунной,
и смерть проста, как стих без
многоточий,
а жизнь, как баба нищая – безумна.

Валентин Алексеев

Поэт, критик, публицист.

Родился в 1980 году в Санкт-Петербурге. Окончил педагогический университет им. А.И. Герцена (кафедра германской филологии) и Санкт-Петербургский государственный университет (кафедра онтологии и теории познания). По образованию – учитель немецкого языка, философ. Автор ряда публикаций в периодике, лауреат литературных конкурсов.

Прощание Калипсо

«Прощался с далью плач твой у причала»,
и руки обнимали окоем...
Ах, как вослед кричала,
как кричала
печаль, как чайка, в голосе твоем!

Как океан, тоска волною чалой
качала мысли, словно корабли...
Ах, как в ответ молчало,
как молчало
отчаянье от неба до земли!

И, как волна –
об острый клык скалистый,
в единий миг
пройдя сквозь сонм смертей,
Твое разбилось сердце,
о Калипсо,
Когда покинул остров Одиссей...

«Прощался с далью плач твой у причала» –
стrophe Федерико Гарсия Лорки.

Изгнанинику Тинтагеля*

Уходит время горечью побед,
Чужая кровь смывается водою.
Но для души живой водицы нет;
Увы, она не станет молодою...
Ответь, изгнаниник: вечною любовью
Ты жив, бессмертный, но зачем?!
Зачем,
Когда надежда отдана взамен,
Когда ночами возле изголовья
Мерцает отсвет твоего клинка?!
О, нет, не отвечай! Иные нравы
Иной сегодня требуют отравы –
Людская память слишком коротка...

*Тинтагель – по преданию замок короля Марка, в окрестностях которого разворачивалась трагедия любви Тристана и Изольды.

Город мой...

Этот город, накрытый туманами,
Меж поверьям и верою замер:
Кто-то бредит виденьями странными,
Кто-то истово молится в храме.

Над рекою, гранитами скованной,
Всё летают обрывками письма...
В них, «серебряных», – разочарованный,
Город ныне беспамятством стиснут!

Позабыто им «тысячеустое»:
«Ne laissez pas traîner mes lettres...»
И свечу тишиной захолустно
Заметают метельные ветры.

Прокользнет по-над стылою улицей,
Ни перил, ни людей не коснувшись,
Призрак Анны... О, как ты сснутился,
Город мой, будто в Лете уснувший!

Красотою твоей несказанною
Не живут современные дети...
Только дочка мной названа Анною,
Чтобы помнила голос столетий!

Весеннее

А в марте падал снег и шли дожди,
И грязь въедалась в обувь, как в карьере,
Мне небо говорило: «Подожди!
Еще не время солнечной карьере»,
И клочковатый пачкало халат,
Вися над обессиленной землею.
А я шагал, понурившись, назад –
Разжечь очаг с остывшим золою.
Потом дожди сменила неба синь,

Павел Ганжа

Родился в 1973 году в с. Тасеево Красноярского края. По образованию – юрист. Окончил юридический факультет Красноярского государственного университета, работал в органах прокуратуры. С 2002г. – практикующий адвокат. Проживает и работает в г. Красноярске. Писать стихи начал в 1991 году. Автор нескольких поэтических сборников.

И солнце по утрам вставало ряно,
Но, как и раньше, птичий клавесин
Не издавал ни звука над бурьяном.
И шли дела, казалось, не на лад,
Мело во все пределы мертвой пылью,
И небо говорило невпопад:
«Ты подожди, пока окрепнут крылья...»

А ночью гранил дождь – совсем другой,
Чуть пахнущий сиренью и стихами,
И небо удивило глубиной,
Такою непривычною над нами.
И дочка солнца щурилась в упор,
Сомлев от долгожданного сияния...
«Ну, папочка, пойдем играть во двор,
Ведь небеса сдержали обещанье!»

На Коктебельской набережной

Многоголосый гул царит
Над старым камнем мостовой,
И легкой чайкой планерист
Над полосой береговой
Парит; и в воздухе висит
Причудливая взвесь времен,
Как пыль от выщербленных плит,
Как запах, как полдневный сон.
И за порогом чайханы
Скрипит дощатый старый пирс,
И с предзакатной стороны
Все с тем же посохом кумир
Как будто ловит звук и мысль.
И все о том же бьет прибой,
И парусник летит за мыс
За неразгаданной судьбой,
Где спящим ящером залег,
На солнце греясь, Карадаг,
И подставляет волнам бок
Наш пароходик, проходя
Под скальной аркою Ворот;
Где в потаенный узкий грот
Скрывается столетний змей,
И в лодках юрких рыбаки
Скользят средь каменных когтей;
Где, времени разжав тиски,
Вечерним светом озарен,
Волошина в морщинах лик
К хребту скалистому на склон,
Как к другу верному, приник.

***
Но, отпуская душу в небо
Навек с измученных ладоней, –
До боли вглядываться слепо
Туда, где небеса бездонней...

И, отпуская душу в небо
Так на земле и нерожденной, –
Все время слышать с неба credo
Ее любви неутоленной...

Но, Боже мой! – что толку в слове,
Летящем встречь воздушным змеем,
Когда по голосу и крови
Узнать друг друга не сумеем...

11:4-8

Когда среди развалин глиняных,
в их неумолкшей тишине
зову я встречного по Имени,
лишь эхо отвечает мне.

И, прозревая выси горние,
в грязи и муках бытия
бреду через заросли и корни я
в обетованные края.

А в небесах, по звездным терниям,
по россыпи словесных рос
сквозь тени мира предвечерние,
скорбя о нас, идет Христос.

***
Дыхание любви сбивает с ног,
Срываю с плеч одежды и привычки.
В душе того, кто вечно одинок,
Затлеет огонек – лишь чиркнут спички.

И разгореться может до небес
Костёр в душе. Померкнут звёзд плеяды.
В пустых глазах возникнет интерес
От одного приветливого взгляда.

Дыхание любви развеет в прах
Насущные проблемы и заботы.
И трудно удержаться на ногах
Под тяжестью доспехов Ланселота.

Так хочется взлететь в них, видит Бог;
Доспехи из огня, а не из стали...
Дыхание любви сбивает с ног
И тянет ввысь, в заоблачные дали.

Звери, которых нет

Иных миров туманный свет
Так возбуждает бедный разум,
Что снов хрусталь, разбившись вазой,
Плодит зверей, которых нет.

И я дышу едва-едва...
Ведь в каждом маленьком осколке
Живут не зайцы и не волки,
А неземные существа.

И по лощинам и лугам
Гуляют там единороги,
Не зная боли и тревоги,
Сродни неведомым богам.

Пусть нет и не было чудес,
Грифоны злые и драконы
Сметают пошлые законы
Несотворенных мной небес.

Подобной нечисти конклав
Ко снам прилипчив, как простуда,
Но укрепляет веру в чудо
Покруче, чем алмазный сплав.*

Плыту в нелепом мираже,
Боясь в действительность поверить...
Вокруг невиданные звери,
Но... просыпаюсь я уже.

* Алмазный сплав – самый прочный скажочный материал в произведениях К. Булычева

Уходят дни

В пыль времени вонзая сапоги,
Победно маршируя, как солдаты,
Уходят дни. Я слышу их шаги
И отмечаю памятные даты.

Дни гирями ломают те весы,
Что отмеряют жизнь.
И каждый – веха.
Бегут секунды, тикают часы...
И в праздник почему-то не до смеха.

Вокруг веселье, радость, суета,
Но не гожусь я, видно, в скоморохи
И жду, когда наступит темнота,
Считая дни, минуты и эпохи.

Смотрители белых потолков

К словам «занятие мужское»
Привык народ... Игрок, стрелок.
И дело есть еще такое –
Смотреть на белый потолок.

Ведь по неведомым причинам
Красоты белых потолков

Милее нынешним мужчинам
Войны, охоты на волков.

И словно все они на ватных
Ногах стоят, мечтая сесть.
Отряды рыцарей кроватных
Не ценят мужество и честь.

Хребет любого слишком хрупок,
И потому страшит их труд.
Не совершил никто поступок,
Хотя безмерно каждый крут.

Они способны отличиться,
Пожалуй, лишь при ловле мух...
Не подставляют ветру лица,
Но закаляют спячкой дух.

И из реальности, как птицы,
Летят в объятия... венков,
Не успевая насладиться
Узором белых потолков.

О рифмоплетстве

Прожив на белом свете этом
Немало долгих скучных лет,
Я понял: грустно быть поэтом,
Ведь в рифмоплетстве счастья нет.

Ни славы громкой, ни богатства,
Добыть нельзя, рифмую слог.
Служенье муз не казнокрадство –
Здесь не содрать и шерсти клок.

Удачи нет. Приносит горе
Стихи-творение творцам.
Их слишком часто ксят хвори
И отправляют к праотцам.

И даже в тонких сферах чувства,
Там, где пылает в жилах кровь,
Их крест – высокое искусство
И... рифмы 'бровь – любовь – морковь'.

Избавь от этой доли, боже!
Я не желаю лист марага
Стихами глупыми, но всё же...
Хватаю ручку и тетрадь.

Небезупречность

Грустно сознавать и неприятно,
Что небезупречен небосвод,
Нет любви, и есть на Солнце пятна,
А удача – спутница невзгод.

В этих аксиомах однозначных
Опыт усомниться не дает.
Кажется, что в мире все прозрачно,
Но на деле – лишь стекло и лед.

Греет душу сказок одеяло...
Правда жизни – кто успел, тот съел.
Нет на белом свете идеала,
Да и свет – отчасти только бел...

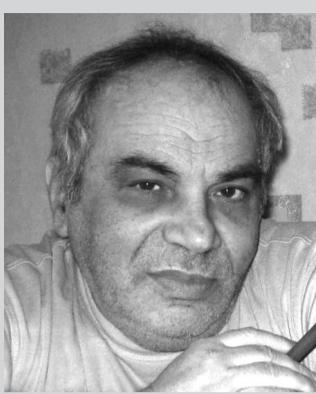
Осеннее вино

Грохочет гулко дождь по крыше,
Стучится каплями в окно.
Мы в такт ударам этим дышим
И цедим время как вино.

Стаккато капелек все тише,
И ветра вой умолк давно.
Мы шепот осени услышим,
Лишь обнажив бокала дно.

Допьем портвейн и текст допишем.
Узор судьбы годами вышит,
Вплетен в созвездий полотно.

И метром ниже, метром выше,
Заполним в вечности те ниши,
Где пусто, тихо и темно.

Михаил Горевич

1948 г. рождения, живет в Москве. Поэт, прозаик, драматург. Печатался в журнале «Крещатик», «День и Ночь», «За-За», «Занзибер», член СП XXI века. В соавторстве с В. Лейбовичем написал роман «Венецианец». Роман читался М. Горевичем на радио «Эхо Москвы», был частично опубликован в журнале «Волга» и ныне опубликован полностью.

Грустные стихи

Как сверчок за старой печкой,
Ты сердись и не сердись,
До утра считай овечек,
Хочешь куриц, хочешь лис...

Все равно на край колодца
Сидет птица куковать,
Мертвая вода не льется,
И недолго дни считать —

Этот белый, этот серый,
Этот даренный годок...
Жизнь, что убежать хотела,
Пленницей лежит у ног.

Я смирил ее, она ли
Заковала реку в лед?..
Золушкой, на карнавале,
Вдаль не смотрит.
Снов не ждет.

Мышь

Каждый день отыскиваю зерна
Прокормить, в пустые годы, мышь.
На юру затихли звуки горна,
Птиц поймали. С кем поговоришь?

Разве с мышью боязливой, серой,
Платье из казенного сукна...
В норку строчки спрятала умело,
Те, что в ночь читают у окна...

Муза, мышка, вечная норушка,
В кухонном, замыгтанном углу,
Прочтай стихи тишком на ушко,
Всем живым, кто вновь глотает мглу.

В неизменной свите Аполлона,
Там, у солнца, вспомни обо мне,
И пошли в лачугу из бетона
Песнь синиц о мчащемся коне.

И девицы с ведрами лукавый
Дай увидеть, перед смертью, взгляд,
И вернись, шурши бумагой справа,
И шепчи мне песни наугад...

Каждый день бураны и метели,
Ты в углу о жизни расскажи —
О ловушках, сыре и расстрелях,
И о тьме, что слово съест в тиши...

Весна почти достигла цели...

Весна почти достигла цели,
Но снег, и холод, и февраль...
Лежат до вечера постели
Неуbraneы. Известный враль

Все врет и врет с телефона,
А за окном дерев кора,
На ветке нижней два стакана
Блестят пластмассой до утра...

Прощай, помытая Россия,
Блажен в джакузи голос твой.
Поешь шансон, но очи Вия
Стоят распахнутой звездой,

Над полем дальним и над лугом,
Над европейской густотой,
В которой выбран Рура уголь,
И страхи стали на постой

В трактирах, что теперь кофейни,
На рынках — им базар родня...
И через крылья старых мельниц
До края Азия видна.

Сон

Ты все дальше или ближе,
Сад пустой неснятых слив?
Дождь смывает листвы с крыши,
Листья жести обнажив....

Поднимается тревожно
Муэдзин на минарет,
Марсианский ждет треножник,
Излучая алый свет.

Шиплет стебли агнен... виться
Продолжает ли тропа?..
Завернет солдат в тряпницу
Глину бурую — с лопат.

На том свете

Я переулками пройду,
Под вечер вспоминая
Тебя на Чистопрудном льду —
Там свет с тобой играет...

Свет желтый старых фонарей
Любовником искусством —
Ведет ладонью, из аллей,
По пряди светло-русой.

По кофте вязаной и вниз —
К ногам и старым “гагам”...
На “Колизее” спит карнавал,
Отклеилась бумага

Давнишних простеньких афиш,
И музыка разврата —
“Ах, ландыш!”... с катка до крыши
Взлетает виновато.

И свет нездешний — он плывет,
Тот свет времен пустынных,
В них череда щемящих нот
Цветет на стеблях длинных,

Тот свет, куда еще приплыть,
В свой дом, весною поздней?..
Растает лед, и будет зыбь
Качать мой мир бесслезный.

Мой мир под звездами кружить —
Лодочонку, желтой ночью...
И, луч на руку положив,
Мне станет свет пророчить

О том, что вечно фонари
Льют желтый свет в аллеи,
И ноябрь, и декабри
Под май душою зреют.

Переезд

Днями, в полдень, переедет время
С зимних обустроенных квартир
В птичий гнезда, в глиноzem и в семя,
Что почти надумало взойти.

В тихий смех рождающихся листьев,
В сладких трав зеленый водопой,
В незапятнанность весенних истин,
В неизменный, летний голос твой.

В молодую девицу-крапиву,
С вишнями излишний разговор,
В медленное грустное “счастливо!”
В бег реки на утренний простор...

Интеллигент

Полёт сороконожки

Рубрику ведёт Н. Крофтс

«Анализировать Поэзию — это то же, что изучать полет птицы, препарируя её»

Р. Тагор

«Когда у сороконожки спросили, как она управляется со всеми своими лапками, она задумалась — и не смогла больше сделать ни шагу»

Старая притча

На станциях стихов или что такое «стансы»?

(стр. 1, «Стансы», В. Алейников)

Слово «стансы» происходит от итальянского «stanza», что означает «комната», «местожительство» — или «строфа». По одной из версий, оттуда же пришло в русский язык слово «станция».

В XVIII — XIX вв. термином «стансы» в европейской поэзии обозначали небольшое лирическое стихотворение-размышление, состоящее из законченных строф, обособленных друг от друга. Обособление выражалось в запрещении смысловых переносов из одной строфы в другую и в обязательности самостоятельных рифм, не повторяющихся в других строфах. В русской поэзии «стансы» — это стихотворение, написанное обособленными четверостишиями, обычно 4-стопным ямбом, с рифмовкой АВАВ (например, пушкинское «В надежде славы и добра»).

(по материалам БСЭ и Этимологического словаря Фасмера)

«Дикий странник» или «Письмо с Кипра»

(стр. 8, «Письмо с Кипра», А. Шнеур)

«Артур Рембо. Кипр. До востребования» (Arthur Rimbaud, Chypre. Poste restante). Так назывался французский документальный фильм, повествующий о странствиях знаменитого поэта-символиста. Правда, во время своего пребывания на Кипре (1878 и 1880) знаменитым Рембо ещё не был: только в 1884г. Поль Верлен издаст часть стихов Рембо в цикле своих знаменитых эссе «Проклятые поэты», а книги Рембо выйдут лишь в 1886 и 1891гг.

Да и стихов в свою бытность на Кипре Рембо уже не писал: после того, как поэту исполнилось 20 лет, из-под его пера не вышло ни одной рифмованной строчки.

Жан-Никола-Артур Рембо родился в 1854г. во Франции. Стихи начал писать с конца 60-х годов, а в начале 1869г. в одном из парижских журналов появляется стихотворение 15-летнего поэта. В 17 лет Рембо знакомится с Полем Верленом, и два поэта несколько месяцев вместе путешествуют по Европе. Но в 1873г. их отношения обрываются: в Брюсселе Верлен ранит Рембо выстрелом из револьвера. Суд приговаривает Верлена к двум годам тюремного заключения, а Рембо возвращается на ферму к матери.

После этого Рембо перестаёт писать и путешествует по свету до 1880г. Затем, в Африке и на Аравийском полуострове, он занимается торговлей кофе, пряностями, шкурами и оружием. В 1891г. Рембо возвращается во Францию из-за болезни. Осенью того же года 37-летний Рембо умирает в Марселе, пережив в себе поэта на 17 лет.

Сладость амнистии или из истории индульгенций

(стр. 11, «Белый рыцарь», В. Севриновский)

Если вы, читая весёлый рассказ Владимира Севриновского, думаете, что на самом деле индульгенции остались в далёком прошлом, то вас ждёт сюрприз. Впрочем, по порядку.

Слово «indulgentia» в классической латыни означало «снисходительность», «великодушие». Позже оно стало означать налоговую льготу, освобождение от долгов, а также (в Ветхом Завете) — освобождение от наказания.

Согласно учению Римско-католической церкви, крещёный человек, совершивший грех, даже покаявшись и получив прощение, всё же подвергается «временному» наказанию за проступки — после смерти, в чистилище. Срок этого временного наказания можно уменьшить, «отработав» свою вину ещё на земле — молитвами или благими делами (пост, милостыня, паломничество).

Ещё в 517 было отмечено, что в прошлом жёсткие епитеты (наказания) стали заменяться более мягкими мерами, в том числе и денежным штрафом. А первый случай пленарной индульгенции был зарегистрирован 1095 году, когда папа римский объявил, что участие в крестовом походе заменит наказания за все исповедованные грехи.

Как и любой системой, институтом индульгенций стали злоупотреблять: с XIIв. смягчение наказания всё чаще давалось за деньги, а в XIV и XVвв. уже слышны возмущённые голоса, сетующие о прямой продаже индульгенций. В начале XVIв. злоупотребления достигли апогея: монаху Тецелю, напористо торговавшему индульгенциями, приписывается своеобразная «агитка»:

Как только монетка в кошель упадёт,

Душа из чистилища сразу уйдёт.

Эти безобразия послужили поводом для протеста Лютера и для начала реформационного движения. И тогда в 1567 г. папа Пий V запрещает любое предоставление индульгенций, включающее денежные расчёты.

Но сами индульгенции живы. Современный порядок предоставления индульгенций регламентируется документом «Руководство по индульгенциям», выпущенным в 1968 г. и дополненным в 1999 г. В 2000 году папа Иоанн Павел II объявил пленарную индульгенцию для паломников на Всемирный день молодежи. Да и в наши дни его нынешний преемник, папа Бенедикт XVI, тоже неоднократно объявляет пленарные индульгенции; одна из последних — для тех, кто отправился в Мадрид для участия во Всемирном Дне Молодежи в 2011 году...

Профессор разгладил окладистую седую бороду и взошел на кафедру. Уже много лет он не листал перед занятием конспекты – феноменальная память давно создала ему репутацию всеведущего и всезнающего преподавателя. Он любил выступать перед студентами, его глаз раздавали их стройные ряды, напоминающие клавиши органа, на котором опытный музыкант может сыграть любую мелодию – от собачьего вальса до величественной фуги Баха.

– Итак, сегодня у нас заключительная лекция по финансовой истории. Хотя это и факультативная тема, занятия вы посещали хорошо. И это радует, ведь именно финансовая история сделала наш мир таким, каков он есть. Впрочем, это вам наверняка говорят преподаватели всех наук, без исключения.

По залу пронесся легкий смешок.

– Теперь вы знаете немало, и мы можем перейти к самой интересной и захватывающей теме этого семестра.

На словах “интересной и захватывающей” двое студентов зевнули. Профессор сделал эффектную паузу и спросил:

– Что такое индульгенция?

В зале послышались приглушенный стук и шелест – боязливые студенты лихорадочно листали учебники, а с задних рядов до передних, как морской прибой, прокатился шепот, наперебой повторяющий имя любимой ученицы профессора.

– Нет, Прима я спрашивать не буду, – решительно ответил он к великому разочарованию девушки, старательно тянувшей вверх руку на первом ряду. – И Терций пока подождет, у него уже достаточно оценок за устные выступления. А спрошу-ка я… (снова эффектная пауза) Септима.

– Ну вот, опять я, – уныло пробурчал Септим, неуклюже поднимаясь. Он старательно почесал в затылке, словно рассчитывая втереть в свою голову хоть немного знаний, и пробубнил:

– Индульгенция – это… это… такой особый документ.

Профессор ласково кивнул. Септим сверлил взглядом невидимую точку над окном и, казалось, по капле выщекивал оттуда слова:

– На нем присутствуют цена первоначальной покупки, печать – к примеру, римско-католической церкви, дата выдачи и, наверное, срок действия.

– Неплохо, – приветливо кивнул профессор. – Ты абсолютно верно перечислил несколько атрибутов индульгенции: номинал, организацию-эмитента и так далее. Но ими обладает множество иных ценных бумаг. В чем же ее уникальность?

Увы, студент продолжал молчать, пристыженно шмыгая носом.

– Что ж, Септим, садись! – смилился профессор. – Будем надеяться, к экзамену ты подготовишься лучше. Прима, не могла бы ты дополнить ответ своего товарища?

По аудитории пронесся облегченный вздох. Мгновенно, словно чертик из коробки, вскочила шуплая девушка с острым носиком. Даже не успев выпрямиться, она бойко затараторила:

– Индульгенции называли документ о полном или частичном прощении грехов, выдаваемый церковью заинтересованным лицам. Широкое распространение они получили с 12 века и приносили существенный доход вплоть до Реформации, положившей конец первому этапу развития индульгенций, иначе именуемому средневековым или дованбурмановским.

– Спасибо, Прима, садись, – профессор добродушно усмехнулся в бороду.

– Да, на прошлых лекциях мы подробно разобрали торговлю индульгенциями в средневековой Европе, попутно обсудив причины ее преждевременного краха: низкую организованность рынка и монополизм. Только через многие сотни лет человечество созрело для второй попытки. Вопреки расхожему мнению, раздача индульгенций не прерывалась никогда. Менялись лишь ее масштабы. К концу XX века они выпускались ограниченным тиражом под надзором самого папы. Однако затем, в условиях нехватки средств и растущей конкуренции со стороны иных конфессий, римско-католическая церковь расширила продажу индульгенций, что повлекло незначительное, но стабильное понижение цены, постепенно делавшее их более доступными. Именно к этому времени относится событие, с которого ведет

Белый рыцарь

Белый рыцарь – инвестор, который делает предложение о поглощении компании, уже являющейся объектом попытки несогласованного поглощения.

Банковский энциклопедический словарь

отчет новой истории индульгенций большинство современных ученых. Однажды некий Джордж ван Бурман, известный биржевой воротила, обратился к личному врачу с жалобой на сонливость и легкое расстройство потенции. Приговор медицины был супор и неотвратим: рак в неоперабельной стадии. Джордж, еще недавно чувствовавший себя хозяином жизни, заметался в растерянности. Он проводил часы голышом у зеркала, тщательно разглядывая место, где гнездилась зловещая болезнь. Потом ударился в безудержный загул. Но женщины и вина не радовали отчаявшегося бизнесмена. Сумасшедшие кутежи сменялись припадками не менее безумной религиозности, которой испугались бы даже его набожные предки-католики. Во время одного из таких приступов он съездил в Рим и купил самую дорогую ватиканскую индульгенцию.

По иронии судьбы, уже на следующий день ван Бурману позвонил доктор. Он долго извинялся за ошибочный диагноз и, в конце концов, объяснил, что принял за раковую опухоль отпечаток на снимке, оставшийся от забежавшего в аппарат таракана. К счастью, ошибка своевременно открылась, уборщик рентгеновского кабинета уволен, а таракан скрылся в неизвестном направлении. Растерянный ван Бурман остался со свежекупленным свитком, который мог ему понадобиться лишь через несколько десятков лет. Любой другой на его месте, несомненно, забросил бы злосчастную бумажку на чердак и жил припеваючи, но недаром хватки Джорджа боялись многие акулы Уолл-стрита. Не такой он был человек, чтобы его деньги лежали мертвым грузом, совершенно не принося прибыли. Проанализировав график изменения цены индульгенций за последние годы, ван Бурман понял, что дело это достаточно убыточное, и если он сейчас продаст свою индульгенцию, а затем, когда придет срок, купит ее снова, то сможет сэкономить до тридцати процентов. Джордж тут же кинулся к телефону и вызвал Ватикан. Услышав требование выкупить обратно только что проданную индульгенцию, поднявший трубку прелат сперва изумился, а затем пришел в ярость, едва ли подобающую его смиренному сану. Тщетно ван Бурман апеллировал к его христианскому милосердию и к закону о защите прав потребителя. Церковник был непреклонен. Сгоряча Джордж чуть было не побежал к своему адвокату, но тут в его голову пришла идея получше…

Первое в мире выставление индульгенции на открытые торги произвело сенсацию. Стоит ли говорить, что ван Бурман выручил за нее даже больше, чем заплатил! Его успех открыл глаза и другим финансистам, справедливо углядевшим высокую перспективность торговли индульгенциями. Поначалу церковь пыталась воспрепятствовать прогрессу, но вскоре оценила его радужные перспективы. Рядом с собором святого Петра был возведен знаменитый Ватиканский депозитарий, в полностью автоматизированных хранилищах которого покоялись десятки тысяч индульгенций. Конечно, при создании системы не обошлось без сбоев – вспомним хотя бы знаменитый скандал с протестом инвесторов против выпуска индульгенций с номерами, содержащими три шестерки. Но в целом все прошло достаточно гладко, и торговля неуклонно набирала обороты, на радость благочестивым прихожанам и заботливым епископам, спешно осваивающим новую сферу богоугодной деятельности. Время от времени в атеистической прессе раздувались скандалы о якобы произошедшей монополизации рынка, но дальнейшие события показали беспочвенность этих обвинений: вскоре на торгах появились ценные бумаги прочих христианских церквей, а немного позже в борьбу вступили представители иудаизма и ислама. Желающие сменить вероисповедание могли просто обменять индульгенцию одного вида на другой по текущему курсу. Разнообразие индульгенций значительно

оживило рынок, чему не помешали ни финансовые пирамиды, ни аферы мелких сект и лжепророков, которые регулярно приводили к разорению многих неопытных инвесторов после того, как даже самые ярые фанатики убеждались в поддельности очередного кандидата в мессии. Не менее печальная участь постигла ценные бумаги отдельных стран Африки и Азии, чьи эмитенты так долго добивались своей исключительной богоизбранныности, что их индульгенции оказались совершенно неконвертируемыми.

Сбылась вековая мечта социологов и религиозных деятелей. Теперь для того, чтобы узнать все тенденции в извечной борьбе мировых религий за души прихожан, было достаточно бросить взгляд на экран Reuters Metaphysics. Малейшая ересь, мельчайший дипломатический промах церковного деятеля моментально отражались изменениями графиков, вызывавшими слезы одних и радостные крики других наблюдателей. Вспомним хотя бы знаменитую историю про затянувшуюся беседу папы римского с молодой монашкой и ее последующее интервью журналу “Плейбой”.

Это было воистину блаженное время. Индульгенции прочно захватили внимание инвесторов всего мира. Даже в мировые кризисы спрос на них только возрастал. Все церкви мира, в которых существовало понятие рая, процветали. Особенно радовались американские баптисты. Уже никто не мог без смеха вспоминать ту давнюю пору, когда большинство американцев знало Новый Завет только по комиксам и дайджестам толщиной с палец ребенка, а о Ветхом Завете и слыхом не слыхивало. Теперь, когда даже домохозяйки в свободное от мыльных опер время играли на рынке индульгенций, любой выпускник колледжа мог свободно цитировать “Исповедь” блаженного Августина на языке оригинала, при этом неплохо разбираясь в сурах Корана и толкованиях Талмуда. Даже в техасских пивнушках не прекращались яростные диспуты о перспективах развития той или иной религии в ближайшую пару месяцев. Эта мания захватила буквально все общество, не исключая и литераторов. Один за другим появлялись бизнес-романы из жизни священников и бесчисленные апокрифы.

Профессор перевел дух и оглядел аудиторию. Студенты молчали, сосредоточенно уткнувшись в конспекты. “Одно из двух: или они старательно ловят каждое слово, или уже заснули”, – подумал он. Профессор преподавал далеко не первый год и прекрасно знал, что хорошо натренированный студент может делать вид, что пишет конспект, и даже кивать в подходящих местах, не просыпаясь и видя сладкие сны. В любом случае, разумней всего было продолжать в том же темпе – и спящих не разбудишь, и конспектирующих не съешь.

– Именно к этой поре наивысшего подъема рынка индульгенций относится начало головокружительной карьеры Корнелия Брука.

Студенты встрепенулись – имя явно знали.

– Корнелий Брук родился в начале двадцатого века в семье обеспеченных буржуа и получил стандартное для этого класса образование: Гарвардская школа бизнеса и Астрологический факультет Сорбонны. Еще студентом Брук сформулировал свой основной принцип: “Миллиарды людей регулярно тратятся на милостыню и церковные пожертвования, чтобы попасть в царствие небесное. Разница между этими платежами и единоразовым крупным взносом для покупки индульгенции не больше, чем между приобретением автомобиля в кредит или за наличные”. Это высказывание, несомненно, несет на себе отпечаток детских впечатлений Брука, чей отец каждый месяц методично жертвовал церкви ровно два с половиной процента своего дохода, причем в случае особых деловых успехов

Владимир Свериновский

Родился в Москве в 1975г. Кандидат экономических наук, финансист и путешественник, посетивший около 60 стран. Соавтор романа «Отсчет пошел», автор рассказов и научных статей. Перевел на русский язык документальный роман Дж. Кракауэра «Навстречу дикой природе», а также стихи ряда англоязычных поэтов.

священники могли рассчитывать на бонусные полпроцента.

Не успев получить диплом, Брук учредил акционерное общество “Благодать” – первый в мире пенсионный фонд, обеспечивавший клиентам не только пособие по старости, но и гарантированное место в раю. “Мы будем заботиться о вас вечно!” – гордо гласил его рекламный лозунг. Оригинальность идеи в сочетании с неукротимой энергией Корнелия, показавшего себя выдающимся дипломатом и гениальным биржевым игроком, привели к тому, что тридцатипятилетний Брук оказался во главе огромной финансовой империи, охватившей своим влиянием почти весь земной шар.

Однако третий, заключительный этап развития торговли индульгенциями протекал вовсе не так гладко, как предполагало большинство специалистов. Волна энтузиазма схлынула, и оказалось, что далеко не все используют индульгенции для богоугодных целей. Многие биржевики зачастую играли на понижение курса индульгенций, осуществляя их продажу без покрытия. Очевидно, что если приобретение индульгенции гарантировало место в раю, подобная продажа, напротив, по всем христианским канонам означала предание души дьяволу. Учитывая частое падение курсов индульгенций, медвежья игра была весьма выгодной, а потому количество сатанистов неуклонно росло. Постепенно были сформированы целые корпорации, служители которых поклонялись Сатане в образе медведя (стоит ли говорить, что быка – символа игры на повышение – они отождествляли с папскими буллами!). Сатанисты подрывали устойчивость рынка индульгенций, угрожая вызвать мировой кризис немыслимых масштабов. Это весьма обеспокоило быков и прежде всего, разумеется, Корнелия Брука, для которого стабильность была залогом процветания его империи пенсионных фондов. Брук, ставший к тому времени одним из самых богатых людей на Земле, хладнокровно выждал, готовя силы для решающей схватки.

Атака объединенных сил медведей-сатанистов началась в промозглый августовский день, когда небо над Северной Америкой было затянуто черными тучами. Казалось, сама природа готовилась к чему-то ужасному. Сипло завывал ветер, и жесткие, как веревки, струи дождя содрогались от утробного рокота грома. Должно быть, на всей Земле не осталось ни одного барометра, стрелка которого не клонилась бы упорно в сторону бури. Реки вздувались и выходили из берегов. В пустынях самуи расшвыривали караваны бедуинов, как горстки песчинок. Люди запирались в домах и прятали головы под подушки, чтобы не видеть вспышки молний, похожие на тянувшиеся с небес на землю костлявые руки скелетов. Именно в этот день индекс Dow Jones Religious Average, пару раз неуверенно дрогнув, начал неуклонно падать вниз.

Более месяца длилась упорная борьба. Невиданный кризис охватил всю религиозную индустрию. Большинство церквей, переживших десятилетие фантастического процветания, вынуждены были увольнять сотрудников, так что города наводнили толпы безработных священнослужителей.

Окончание на стр. 12

Людьми овладело отчаяние, поговаривали о грядущем конце света. На сотрясаемую кризисом планету то и дело обрушивались жуткие стихийные бедствия. Многие полагали, что кощунственные действия сатанинских биржевиков нарушили хрупкое равновесие добра и зла, и Князь Тьмы теперь может взять реванш у Бога. При этом жажда легкой наживы способствовала стремительному росту числа адептов Люцифера.

Казалось, всякая надежда потеряна, но Корнелий Брук и его союзники продолжали борьбу, заручившись безоговорочной поддержкой большинства церквей мира. И, наконец, свершилось чудо: последним мощным выбросом на рынок остатка своих капиталов Брук удалось осуществить блестящую комбинацию, вошедшую во все современные учебники биржевого дела, и переломить тенденцию. Фондовые индексы резко пошли вверх, разоряя приспешников зла и сказочно обогащая Корнелия, который стал обладателем невиданного доселе портфеля индульгаций. Но в миг желанной и столь трудно доставшейся победы судьба приготовила ему последний сюрприз: череда катаклизмов последнего месяца внезапно завершилась ужасным землетрясением. Небоскреб, в котором располагалась штаб-квартира корпорации "Благодать", рухнул как подрубленное дерево, погребя под своими обломками великого Корнелия Брука и множество его лучших сотрудников.

Профessor вытер платком вспотевший лоб. В аудитории царила мертвая тишина. Даже неповоротливый Сикст перестал выцарапывать на парте очередной стихотворный опус и стыдливо спрятал ножки в карман. Наконец, паузу прервал звонок,озвестивший о конце занятия. Аудитория мигом опустела, но профессор остался стоять у кафедры, погруженный в глубокую задумчивость. Он знал, что на грядущем семинаре студенты обязательно будут выспрашивать подробности последнего дня земной жизни Корнелия Брука и его захватывающей борьбы. Конечно, ему есть, что рассказать, и они будут вполне удовлетворены его ответом, но истинную правду он откроет далеко не всем. И не сейчас, а через долгие годы...

В тот день кровавая битва, сотрясавшая небо уже тридцать три дня, подходила к концу. Силы рая, традиционно полагавшиеся на превосходство в авиации, схлестнулись с ордами преисподней, в которых преобладали пехота и тяжелая бронетехника. К вечеру обе армии почти истребили друг друга. Пахло горелой сеньей, вокруг сражавшихся душ клубились ангельские перья и пух, будто внизу кипел детский бой подушками. Наконец, посреди побоища завязалась решающая схватка между святым Георгием и Сатаной. Меч святого то и дело высекал о колдовскую броню снопы искр, а огромные крылья Врага рода человеческого застилали свет. Каждый удар сопровождался синхронным вздохом уцелевших, а кое-кто из погибших душ начал втихую принимать ставки на победителя. Наконец, святой Георгий собрал последние силы, размахнулся и обрушил меч на врага. Лезвие ослепительно сверкнуло на солнце, рассекло правое крыло Сатаны, взвихнуло по броне и... сломалось. "Все пропало!" – в ужасе запопил апостол Петр, пугая окрестных ангелочков, и тщетно попытался проглотить ключи от рая. Сатана расхохотался и занес черную длань...

И тут все сражавшиеся неожиданно почувствовали порыв свежего ветра. На лице повелителя ада отразилось недоумение, а затем его перекосила гримаса злобного отчаяния – он понял, что проиграл. Облака расступились, и все увидели огромное скопище душ, летевших наподобие журавлинного клина. Биржевые спекулянты, покончив с трудами земными, на небесных белых конях возносились в рай. Впереди торжественно гарцевал Корнелий Брук, облеченный в белоснежный костюм, к которому был приколот значок с эмблемой его фирмы: бриллиантовым распятием, окруженным надписью "Царь царей и господь господствующих". В руках он сжимал неизменный чемоданчик из крокодиловой кожи.

Получив столь мощное подкрепление, небесное воинство воспрянуло ду-

хом, а поредевшие легионы грешных душ обратились в бегство.

– Господин Люцифер! – громовым раскатом прогремел голос Корнелия. – Ваша карта бита!

О ловко подскакал к Врагу рода человеческого, поглаживая пальцами замки портфеля, как когда-то его предки-кавбои – кобуру верного кольта. На губах Брука играла легкая усмешка:

– Вы только взгляните на свою армию – никакой организации, никакой заботы о кадрах! Жуткая антисанитария, низкая квалификация персонала, отвратительные условия проживания... Я уж не говорю про варварскую растрату энергоресурсов. Вечно кипящие непонятно зачем котлы со смолой, морозильные установки – кому это надо? А менеджеры? Страшно смотреть! Козлиные ноги, рога и хвосты – с этим еще можно примириться. В конце концов, у нас свободное общество, чуждое расовых предрассудков. Но зачем позволять им вечную небритость, грязь и хамский стиль обращения с подчиненными? Это же абсурдно с управленческой точки зрения!

"Говорит – как мечом режет!" – зашептали праведники, благоговейно внимавшие своему спасителю. Корнелий тем временем продолжал:

– Изношенное оборудование, раздутые фонды, бездарная система менеджмента... И со всем этим вы пытались осуществить враждебное поглощение нашей фирмы? Не выйдет! Валяйте-ка лучше обратно, в свое огненное болото!

Пристыженный Сатана поспешил убраться в адское пламя под улюлюканье и дружный смех небесного воинства. Особенno ликовала бессмертная душа Джорджа ван Бурмана, который все же успел повторно приобрести индульгенцию и теперь убедился в правильности своего поступка.

Пока праведники хором славили белого рыцаря, чье появление было предсказано в Откровении Иоанна Богослова и во многих книгах по управлению акционерными обществами, виновник торжества уединился с Богом-отцом для серьезного разговора. Держался он с обезоруживающей доброжелательностью, говорил скромно и почтительно. Предъявив своему собеседнику хранившиеся в портфеле сертификаты, Корнелий Брук объяснил, что незадолго до гибели ему и его сторонникам удалось скупить достаточно индульгаций, чтобы обеспечить большинство голосов обитателей рая. Получив, таким образом, контрольный пакет, он, Корнелий Брук, должен был занять кресло Президента фирмы.

Реформы нового райского босса были тщательно продуманы и отличались умеренностью. Так, святой Петр получил щедрое вознаграждение за две тысячи лет исправной службы и ушел на покой. Отныне управление вратами рая осуществлялось из контрольного центра, оснащенного видеокамерами и прочим современным оборудованием. Святой Георгий, дева Мария и наиболее заслуженные праведники сохранили высокое положение, а Богу-отцу великолушный Корнелий Брук предложил должность почетного президента компании. Однако старый бог отказался. Он вежливо ответил Корнелию, что тысячи лет его основным и любимым занятием было обучение людей, а потому после отставки он намерен избрать для себя именно эту профессию.

Они проговорили еще с полчаса, затем Корнелий извинился и ушел на совещание. Следом покинул небесную канцелярию и Бог-отец. Его тоже ждали важные дела.

Трель институтского звонкаозвестила об окончании перерыва. Профессор очнулся от воспоминаний, и на его изборожденном морщинами лице засияла улыбка. Он подумал, что все не так уж плохо. Его студенты растут и набираются опыта. Большинство из них любит своего преподавателя, который, несмотря на преклонный возраст, идет в ногу со временем, осваивая современные компьютеры и технологии биржевой торговли. Когда они наберутся сил, он откроет им свою тайну, и после долгих лет ожидания настанет время взять реванш у Корнелия Брука.

Марк Луцкий

Автор 28 книг. Работы Марка Луцкого были опубликованы в периодических изданиях 15 стран. Лауреат многочисленных литературных конкурсов, Член Союза российских писателей, Союза русскоязычных писателей Израиля, Союза писателей Северной Америки.

Великие евреи

Еврей великий Моисей,
Светла его дорога,
Считал и вразумлял людей,
Что всё идёт от Бога!

Еврей великий Соломон,
Царь, предводитель люда,
Указывал на Разум он,
Мол, всё идёт оттуда!

Еврей великий Иисус,
Гроза единоверцев,
Вещал, вводя людей в искус,
Что всё идёт от Сердца!

Еврей великий Карл Маркс
Был враг всесилья духа.
Он наставлял усердно нас,
Что всё идет от Брюха!

Еврей великий Зигмунд Фрейд,
Мудрец, король рефлекса,
Считал, что жизнь – подкорки бред,
Что всё идёт от Секса!

Еврей великий А. Эйнштейн
Заметил снисходительно:
Бог, Разум, Сердце, Брюхо, Секс –
Всё это Относительно!

Раздумье о вдохновении

У вдохновенья есть своя отвага,
Своё бесстрашье, даже удалство...
С. Маршак "Последний сонет"

«У вдохновенья есть своя отвага ...»
Но хватит ли отваги у меня?
Бурлит в крови взбесившаяся брага,
И в голове – сплошная колготия.

Там и отваги вдоволь наберётся,
Как во хмелю - её хоть отбавляй?
А вдохновенье –
словно мышь скребётся,
Оно, увы, не брызжет через край.

Поэзия – капризнейшая дама,
Не угадать, каков сегодня путь.
Ну, не даётся мне она упрямо –
Бесстрашья – много,
Вдохновенья – чуть.

И всё летит куда-то кувырком –
Есть разница меж мной
и Маршаком!

Размышление о наклонных башнях

В городе Невьянске, на Урале,
По дороге к Нижнему Тагилу,
Где домишки старые ветшали,
Башню я наклонную увидел.

Про неё в газетах пишут много,
Кней туристы движутся навалом,
Издавна протоптана дорога
К башне, наклонившейся устало.

– Вот она! Наклонная! Глядите!
Экскурсанты я ответил нервно:
– То ли был
неграмотным строитель,
То ли место выбрано ущербно...

Но толпа смотрела упоенно,
И порою становилось страшно:
На прямые не глядим влюбленно –
Нам подай скосившиеся башни!

Теснота

Господи, народу-то, народу!
Господи, народу – просто страсть!
Как же делать на Земле погоду,
Коли негде яблоку упасть?

Краски и пигменты перетёры,
Но художник медлит. Вот напасть!
Как писать живые натюрморты,
Коли негде яблоку упасть?

Инженер клянёт свою судьбину,
Ну, никак не удаётся снасть!
Как придумать новую машину,
Коли негде яблоку упасть?

Жизнь – всегда какое-то движенье,
Нет движенья – и пропала сласть.
Как поэт создаст стихотворенье,
Коли негде яблоку упасть?

И учёным – тоже неуютно,
Как же проявить науки власть?
Как закон откроет хитрый Ньютон,
Коли негде яблоку упасть?

Школьные воспоминания

В юности поверишь в это вряд ли:
– Жизнь жестокосердна и груба!
Чехов утверждал:

«Всю жизнь по капле
Из себя выдавливал раба».

Что ж, писатель
в этом деле – дока,
И ему внимал прилежно класс.
...А потом словесник на уроках
Чехова выдавливал из нас.